

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ,
ИЛИ
ГОРСКИЕ КНЯЗЬЯ.

Сочиненіе

Василія Наръжнаго.

Quamvis miser, ne
desperes!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1829.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по ошпечатаніи предсав-
лены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра. Москва, Іюня 29 го дня 1829 г.

Ценсоръ, Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

		Стран.
ГЛАВА	1 я. Прохладное пушешест- віе. - - - - -	1
-----	2 я. Урокъ. - - - - -	5
-----	3 я. Гостинница. - - - - -	10
-----	4 я. Грѣшникъ. - - - - -	16
-----	5 я. Судья. - - - - -	25
-----	6 я. Тюремный приставаъ. -	35
-----	7 я. Старые знакомцы. - -	43
-----	8 я. Предисловіе къ слѣдующей.	48
-----	9 я. Побѣдитель. - - - - -	52
-----	10 я. Важное порученіе. - -	59
-----	11 я. Неудачное посольство. -	65
-----	12 я. Приемъ не по вкусу. -	71
-----	13 я. Политическій изворотъ.	77
-----	14 я. Вывернулся. - - - - -	86
-----	15 я. Умныя распоряженія. -	92
-----	16 я. Способы жизни. - - -	103
-----	17 я. Попытка. - - - - -	110
-----	18 я. Провозгласникъ. - - -	116

ГЛАВА	19 я.	Рѣшительность.	-	-	-	122
-----	20 я.	Вишія по нуждѣ.	-	-	-	128
-----	21 я.	Богохульникъ.	-	-	-	134
-----	22 я.	Видѣніе.	-	-	-	137
-----	23 я.	Веселая жизнь.	-	-	-	143

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

ГЛАВА IЯ.

Прохладное путешествіе.

Въ спранспвіи семь хошя подверженъ былъ я безпреспаннымъ опасеніямъ, прерывавшимъ ежедневно сонъ мой, ибо я спранспвоваль шолько по ночамъ, а браль неоходимое опдохновеніе днями; хошя шакъ же Черкаская одежда моя и обувь начали опказывашься, однако шеперь былъ я несравненно въ лучшемъ положеніи, чъмъ прежде блуждая по родимымъ горамъ своимъ. — Тамъ за ушесами и лѣсами рѣдко видаль я солнце небесное, и долженъ былъ или умереть съ голоду, или усладшть вкусъ свой сушеными яспребами. Здѣсь напрошивъ — шель я хошя довольно гусшымъ лѣсомъ, всегда дающимъ мнѣ нужную шѣнь въ часы

дневнаго покоя, но никогда не закрывавшимъ предо мною свѣтлаго солнца, прекраснѣйшаго и великолѣпнѣйшаго произведенія рукъ благодѣтельнаго Макука. Сверхъ того, вмѣсто Кавказскихъ яспребовъ, я весьма часто встрѣчалъ здѣсь фазановъ, которые въ нашихъ Княжествахъ показывающся за нѣкоторую рѣдкость. — Словомъ, я путешествовалъ довольно прохладно.

Имѣя очень много свободнаго времени на размышленіе, я думалъ такъ: если злобному Кукаму въ самомъ дѣлѣ разсудилось сей годъ жизни моей сдѣлать чернымъ, то вижу, что благій Макукъ съ нимъ спорилъ, и всякой разъ, когда пошъ наспроилъ мнѣ пакоспей, сей напрошивъ всегда подоспѣваетъ съ помощію и спасеніемъ. — Однако я весьма обманулся въ ожиданіи вспоможенія отъ Князя Гирея! виновашъ ли я, что сумазбродные его подданные почли меня за праведника, и пошчивали ясп-

вами изъ своихъ гаремовъ? Кшо бы на моемъ мѣспѣ опказался опъ предлагаемыхъ госпинцевъ? Все шло, какъ не лъзя лучше, но неугомонный Кукамъ вселился въ мулу, и довелъ было меня до мучительной казни. Тупъ добрый Макукъ подвигнулъ сердце жены одного вельможи къ соспраданію, и приспыдилъ своего соперника. Самая Халида не вздумала бы спасашъ меня, если бы я не угодилъ ей во время моего Саншонства. Изъ се-го едва ли не выйдешъ, чшо чернота и бѣлизна моего года изъ одного испочника происпекаюшъ; но гдѣ и какой сей испочникъ? кшо управляешъ его печеніемъ? — право не знаю, а върнѣ всего, чшо Макукъ! — Обѣщаюся и клянусь, чшо когда удастся мнѣ склонишь къ пользамъ своимъ державнаго Хана Самсушдина, и съ его войсками возврашишь доспояніе своихъ предковъ, то въ знакъ вѣчной моей благодарности и на память позднему попомсшву воздвиг-

нупъ испуканъ Макука изъ Персидскаго серебра, мѣрою въ цѣлые полшора аршина!

На пятый день сего путешествія началъ я встрѣчать на поляхъ цѣлыя стада домашнихъ животноныхъ и людей, оберегавшихъ оныя. — Не замѣтя со стороны ихъ никакого намѣренія къ обидѣ или приискненію, я счелъ, что они, равно какъ и сіи прекрасныя пучныя пасбища съ быками, овцами, козлами, конями, лошаками и верблюдами принадлежатъ не кому иному, какъ великому Хану Самсудину. Хорошо сдѣлалъ блаженной памяти родитель мой, заставивъ меня съ малолѣтства учиться языку Татарскому. — Я подошелъ къ симъ людямъ, объявилъ себя Горцемъ, путешествующимъ изъ любопытства и желанія обогатить себя просвѣщеніемъ и попросилъ у нихъ чего нибудь съспнаго, обѣщая щедрую плату.

— Плата твоя за сильное угощеніе состоятъ будешь въ добромъ

швоемъ о насъ мнѣніи, — сказалъ одинъ спарикъ съ сѣдою бородою, и велѣлъ подашь хлѣба, сыру и молока. — Когда онъ увидѣлъ, что я съспѣ, то сказалъ: теперь еще очень знойно, и ты можешь отдохнушь подъ тѣнію шапра моего. До Моздока не далеко, и съ обновленными силами еще до закаша солнечнаго вступишь въ спѣны сего города. —

Г Л А В А 2я.

У р о к ъ.

Я охотно послѣдовалъ совѣшу спарика, сълъ въ прохладной тѣни и непримѣшно задумался. — Вижу, что себя нешто превожипъ, сказалъ хозяинъ ласково. Чпобъ прогнашь сію набѣжавшую на тебя пучу, то надосугъ разскажи намъ чтонибудь о дѣлахъ Горскихъ. Съ нѣкошораго времени шамъ произошло не мало любопытнаго. Изъ чьего ты владѣнія? — Свѣшлѣйшаго

Князя Кайшука! — Ба, ба! видно ты путешествуешь очень прохладно, и не знаешь, что имя Кайшуково исчезло такъ, какъ исчезаетъ дымъ, выходящій изъ сей трубы. Не задолго предъ симъ посѣщали насъ нѣкошорые благородные Горцы изъ одного съ тобою Княжества, и рассказывали, что Князь ихъ погибъ безъ вѣсти, а доброхотные сосѣди Мирзабекъ и Кунакъ миролюбиво раздѣлили имѣніе его между собою.

Услыша сіи слова, я прошивъ воли измѣнился въ лицѣ, и шаяжкій вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей. Спарикъ по примѣшилъ, и сказалъ съ соучастіемъ: видно несчастный Князь Кайшукъ былъ любимъ тобою? — Какъ не лзя болѣе! онъ былъ другъ мой съ самаго младенчества! — Жаль, а пособишь нечѣмъ! — Не скорбись пожалуй, продолжалъ спарикъ, если я, простой пасхухъ, о другъ швоемъ сдѣлаю простое же замѣчаніе, и скажу, что онъ самъ былъ главною виною своего несча-

спія! — А почему? — Потому, что вмѣсто сохраненія порядка и строгой справедливости, чистоты нравовъ, уваженія къ правиламъ опцевъ своихъ, благоговѣнню къ закону вѣры и наблюденія умеренности, онъ, не сердись, пріятель, Князь Кайшукъ начинаешъ Княженіе свое обидою Посланнику отъ великаго первосвященника боговъ своихъ, безразсудно принимаешъ на себя званіе главнаго жреца и тѣмъ поселяешъ въ народъ недоувѣренность ко власти покланяемыхъ боговъ и озлобленіе къ своей особѣ, шакъ что, чѣмъ кто изъ подданныхъ его былъ честнѣе, благонравнѣе, набожнѣе, тѣмъ необходимо становился злѣйшимъ врагомъ его. — У него просятъ правосудія и наказанія вѣроломству, а онъ думаешъ только объ умноженіи казны своей. — Онъ выкидываешъ новостъ, на горахъ неслыханную, забывъ, или совсѣмъ не зная, что всякія новизны, вводимыя владѣшелемъ въ

своемъ народѣ , могутъ вводимы бытъ шолько исподволь , непримѣтно , и такимъ владѣшелемъ , кошорый пріобрѣлъ къ себѣ довѣренность , любовь и почтеніе своею мудросшію , силою оружія , опытносною въ правленіи ! — Князь Кайшукъ , глупо подражая въ успроеніи придворнаго шпата Хану Аспраханскому , и даже Шаху Персидскому , посуди хорошенько , и забудь на время свою дружбу , Князь Кайшукъ , имѣя посредственную власть надъ горсшью народа , и ближнимъ сосѣдямъ едва по имени извѣснаго , нарицаешъ себя Повелишелемъ , спароспу своего *Великимъ Визиремъ* , спремяннаго *Сардаромъ* , а дворецкаго *Назиромъ* ! — Въ добавокъ къ сему безумію успрояешъ какой-шо орденъ Нагайки , и раздавая знаки онаго подданнымъ прошивъ ихъ воли , оскорбляешъ ихъ , грабишъ , и такимъ поведеніемъ разспроя всю цѣлоспъ маленькаго своего владѣнія , обезсилилъ оное , сдѣлался

ненависнень, и погубя всѣхъ, — мудрено ли, что дурачества свои запечатаешь своею собственною гибелью? — Впрочемъ — всѣ утверждають, что онъ лично храбръ, отъ природы не золь, и не безъ ума. Жаль, что оспался молодъ на своей волѣ, и видно, что великій пророкъ означилъ ему такъ въ книгѣ предопредѣленія.

Спарикъ умолкъ. — Не умѣю выразить тѣхъ ощущеній, кои тогда меня обуревали. — Спыдъ, горесъ, гнѣвъ, мщеніе, уныніе — всѣ совокупно меня терзали. Я не могъ долѣе вести съ нимъ бесѣды, не обнаруживаю, что слушатель его — есть тотъ самый сумозбродъ, о коемъ онъ такъ опккровенно разказывалъ. — И такъ, поблагодаря его за пріязнь и угощеніе, я пустился въ путь, держась запада, и въ самомъ дѣлѣ передъ закашомъ солнца увидѣлъ стѣны Моздокскія и высокія башни оныхъ. Новость вида мало по малу разсѣяла мрачное мое уныніе. Я перебиралъ въ

мысляхъ слова старика, и силился найши приспойныя возраженія, копорыя оканчивались почти его же словами: что на моемъ мѣспѣ и другой поже бы сдѣлалъ; что не я виною погибели опечеспва, а судьба, Кукамъ, или какой-то великій пророкъ Тапарскій — шакъ опредѣлили, и что всякой согласися — смершному не возможно пересилишь опредѣленіе безсмершныхъ.

Упѣшась сею мыслию, копорою вѣрояшно большая часть влекомыхъ въ шюрьму и даже на висѣлицу упѣшающся, вспунилъ я въ городъ, и нашедъ госпинницу, остановился въ ней для опдохновенія.

Г Л А В А 3я.

Гостинница.

Чувспвуя изрядный позывъ на ѣду, и зная, что не убогъ юзлуками, я никакъ не рѣшился лечь опо-

чивашь, неудовлетворяя голоду и жаждѣ; а пошому пошчась спросиль у сидѣвшаго подлѣ меня Ташарина: кто здѣсь хозяинь, и гдѣ онь? — Мнѣ опвѣчали: хозяинь здѣшной госпинницы естѣ богашый Жидѣ, и пошпру позванъ къ Моздокскому Мурзѣ по нѣкому дѣлу, котораго виновники сушь двое земляковъ швѣихъ Кабардинцевъ, кои недѣли съ двѣ назадъ здѣсь же ошпанавливались. Надобно думать, что онь скоро возвратишся, ибо Еліасъ человекъ разумный и ни съ чѣмъ къ Мурзѣ никогда не являешся.

Опвѣшь сей былъ для меня не совсѣмъ удовлетворителенъ, и я привыкши уже видѣшь людей, говорящихъ со мною просто, безъ должнаго подобострастія къ высокому сану Свѣшлѣйшаго Князя, спросиль сосѣда своего шакже просто, безъ того величешвеннаго вида и грознаго голоса, которые оказывалъ въ своемъ Совѣшѣ: любезный другъ! я здѣсь человекъ новый и совсѣмъ не понимаю, что значишь

слово Мурза, у котораго съ упрадо вечера госпишь богашый Жидь Еліась! — Какъ шакъ? спросиль удивленный Ташаринъ: судя по швоей одеждѣ, шакъ шы Кабардинецъ, а Кабардинцы ежедневно здѣсь бываюшь, какъ же не знашь шебъ, что значиль Мурза въ Ханшвѣ Сумсапдиновомъ? — Одежду сію купиль я случайно, и по ней ничего заключашъ не должно! — О, когда шакъ, шо я удовольшвую швое любопышство: Мурза еспъ начальникъ какого нибудь улуса, и за вѣрную службу Аспраханскому Хану получаешъ въ непосредшвенное управленіе какой нибудь городъ съ принадлежащею къ нему округою. Доходы, правда, должны принадлежашъ Хану, но Мурзы обыкновенно шакъ благоразумны, что умѣюшь съ нимъ дѣлшться, и увѣривъ его въ безпримѣрномъ своемъ безкорыштіи, получаюшь въ награду время опъ времени дорогія сабли, вооруженія, золошыя и серебряныя цѣпи. Власшь каждаго шаковаго Мурзы почши

неограниченна, а особливо Моздокскаго, ибо они опдаленнѣе Кизлярскаго и Наурскаго ошъ Аспрахани!

Въ сію минушу вошелъ къ намъ человекъ маленькой, худенькой, въ засаленомъ плашѣ и съ дырами, покрышый пребольшою шапкою, опущенною россомашымъ мѣхомъ.

Чшобъ самъ Адромелехъ побралъ сихъ двухъ прокляшыхъ Горцевъ! вскричалъ онъ съ бѣшенствомъ, кинувъ шапку на полъ, кошорые спѣяшъ мнѣ дваццати юзлуковъ за то, чшо два дни продержалъ ихъ въ своемъ домѣ! Но пусть шакъ! Доспанешся и имъ! Мурза хошѣлъ было одѣлишь палочными ударами по подошвамъ: Шамагула, яко виновнѣйшаго, сошнею, а Бекшемира пяшьюдесяшью, но я наспоаялъ на своемъ, и первому влѣпяшъ полшораспа, а другому сошню. По дѣломъ прокляшымъ язычникамъ!

Представь, кто хочешь, мое положеніе! Увы! до чего довело угрюмое счастье моего мудраго Визиря и храбраго Сардара! — Блѣдень и препенущь споялъ я на одномъ мѣспѣ. — Это не укрылось отъ взоровъ Еврея, и онъ спросилъ о причинѣ моего смяшенія.

Честный человекъ! сказалъ я поправаясь, не лзя мнѣ не принимашь участія въ судьбѣ двухъ Горцевъ, о коихъ говорилъ ты. Я великій охотникъ путешествовать; прошелъ всѣ горы Кавказскія, и не могу безъ благодарности вспомнить, что въ одно посѣщеніе Княжества Кайшукова, великольно угощенъ былъ его вельможами Шамагуломъ и Бекшемиромъ. Какой преизящный щецлыкъ! какая превосходная просяная водка!

Перешанъ пожалуй, — сказалъ Жидъ съ насмѣшкою, — величашься угощеніемъ Горскихъ друзей своихъ; у насъ такъ лакомятся Имешинскіе поденщики, цыгане и Рускіе невольники. А какъ моя го-

спинница естъ первая въ славномъ городѣ Моздокѣ, и ни одинъ изъ объявленныхъ господъ не смѣешь и подойши къ ней близко, шо ты кушанья Горскаго у меня и не увидишь.

Когда онъ съ надмѣннымъ видомъ вычислялъ всю пышность угощенія, коимъ насъ подчивашь общался, прислужники его разосплали на полу лоскутъ бумажной шкани багряннаго цвѣша, положили хлѣбъ и поставили нѣсколько блюдь съ пилавомъ, приготоовленнымъ съ жареною бараниной или съ цыплящами. Я попробовалъ вина и оживлялъ имъ заморенную свою внушенность. Нѣкошорые изъ собесѣдниковъ соблазнились моимъ поспупкомъ и начали подражашь оному съ такою ревностію, что мене нежели въ часъ зашянули какія-шо пѣсни, — поплелись по домамъ, благодаря хозяина за угощеніе, и одѣляя щедро мѣдными и серебряными деньгами. — Меня проводили въ маленькой чуланъ, указали на полу шюфякъ, набишый

овечью шерстью, и пожелавъ доброй ночи, оставили въ покоѣ. Два прошивовоющія побужденія души и шѣла жестоко сражались во мнѣ между собою. Душа спраспно желала подумашъ поприльжнѣе о способахъ, какъ спасти пяты вѣрныхъ друзей моихъ отъ напаси, имъ угрожающей, а шѣло, предспавляя понесенные труды, усшалось, ужинь, — желало спашъ; я не зналъ, на что рѣшипсья, и въ такой борьбѣ проведя довольно времени, рѣшился прежде удовольспвовашъ спребованію шѣла, кошораго голосъ очень часто вопіелъ громче душевнаго, а пошомъ подумашъ уже и о шопошѣ нѣжной совѣспи.

Г Л А В А 4я.

Г р ѣ ш н и к ъ.

Скрыпъ проѣзжающихъ шѣлегъ, мычаніе быковъ и оглушительный ревъ ишековъ разбудили меня, и

дали знать, что желанный мною день уже настал, и время дѣйствовашь въ пользу друзей — приближилось. Я поднялся съ ложа, вооружился какъ слѣдовало, и сказавъ Еліасу: прощай, Жидь! ты еще обо мнѣ вспомнишь — хотѣлъ выйши за порогъ. Еліасъ, спавъ быспро предо мною, вскричалъ: Куа? слыханное ли дѣло, не расплашьясь честно съ хозяиномъ, оставляя гостинницу? — У тебя худая память, опвѣчалъ я; вчера еще ты удовлетворенъ мною сполна, и я не оспался долженъ ни за одну крошку хлѣба, ни за одну каплю вина! — Такъ! возразилъ онъ; но то былъ плашежь за пищу и за пишіе; а развѣ успокоеніе въ гостинницѣ ничего уже не споишь? Клянусь памятію Авраама, — ты сей часъ опщипаешь мнѣ два юзлука, а иначе я познакомлю тебя съ Мурзою Габидуломъ!

Наслышавшись еще на горахъ, что такое значить Жидь, и имѣя надобность видѣться съ Мурзою, я

не хопѣлъ показаться ему на первый разъ въ видѣ обвиняемаго, а пошому кинувъ наполь пребуемую сумму, вышелъ за вороша.

Едва я осмошрѣлся вокругъ себя, какъ тогда же долженъ былъ самъ себя признашь, что Моздокъ споишь Княжества Кайшукова. Какіе пышные дома, какъ богато убраны люди! Я замѣшилъ между прочимъ, что мѣдные колокольчики и гремушки, висѣвшіе на козлахъ и бараныхъ, были сдѣланы красивѣе и свѣпились ярче, нежели у насъ на горахъ шѣ, кои подѣигривая моему свяшому рожку, плѣняли слухъ народа и самыхъ боговъ, небо — и адожипелей. — Женщины, проходящія мимо, были сверху головы до колѣнъ покрывали большими полопнищами; однако, когда всшрѣчались съ мущинами, а особливо молодыми, то — будшо для поправленія покрывали своихъ, — ошпанавливались, разпахивали полы, и хопя на одинъ мигъ ошкрывали свои лица. Одиѣ

изъ нихъ были довольно дурны, и не въ примѣръ хуже нашихъ голу-боокихъ Осетинокъ; за то другія имѣли прекрасныя лица, блестящія какъ полный мѣсяцъ и румяныя, какъ воспочная заря на свѣшломъ небѣ. Послѣ узналъ я, что первыя изъ нихъ были Ташарки, въ сей землѣ природныя, а другія Черкешанки и Армянки, коихъ предки, по побужденію пріобрѣшенія, оставляя свою опчизну, селились по берегамъ Терека, и мало по малу обзаведшись, сполько привыкли къ обычаямъ коренныхъ жипелей, что прежніе опечественные знали сполько по преданіямъ, а о бѣднѣ божеспвахъ своихъ сполько же много думали, какъ я о Магомешѣ или Тибешскомъ Далай - Ламѣ.

Общая дѣяшельность въ народѣ пробудила и меня опъ разсѣянности. Первая и сильнѣйшая мысль моя была — спасти друзей своихъ и Совѣшниковъ; и божусь рожкомъ Макуковымъ, — не для того, что они могли бытъ мнѣ полезны въ

настоящихъ смущенныхъ обстоя-
тельстввахъ, но для того, что
были мнѣ любезны за свою вѣр-
ность, и теперь нѣкопорымъ об-
разомъ участвовали въ прошивной
судьбѣ моей.

Опширавъ довольное по моему
мнѣнію количество юзлуковъ, дабы
показаніемъ всей мощны моей не
соблазнилъ лакомага Мурзы, на-
чалъ я освѣдомляться о жилищѣ
сего намѣстника Самсуддинова. У
десятерыхъ спрашивалъ я, чтобы
показали мнѣ къ нему дорогу,
и къ великому удивленію опъ деся-
терыхъ получилъ въ отвѣтъ: не
знаю! Проходя изъ улицы въ ули-
цу, я останавливалъ старыхъ и ма-
лыхъ, и опо всѣхъ слышалъ одно
и то же: не знаю; а опъ нѣко-
порыхъ съ присовокупленіемъ бран-
ныхъ поговорокъ. Что за про-
дасъ! говорилъ я самъ себѣ:
или эти люди полоумны, или
опправляющъ сего дня какой
нибудь праздникъ своему бо-
гу, принося въ жертву безмол-

віе. — Когда я спояль въ задумчивости, то подошелъ ко мнѣ съдой, дряхлый спарикъ, полуодѣшый въ рубища. Костыли поддерживали его на дрожащихъ ногахъ, голова была опкрыша, и вмѣсто покрыва, шорчало на ней нѣскольکو съдыхъ волосъ. Эшо пугалище спало прошивъ меня, попупило въ землю одинъ глазъ свой, — ибо другаго не было, — и казалось хотѣло что-то сказаць мнѣ.

Кшо ты, спарый получеловѣкъ? спросилъ я: и чего ошь меня хочешь? — Я нищій! — А что эшо за званіе? — Малымъ чѣмъ разнящеся ошь званія грѣшника во адѣ! — Несчастное званіе! но чѣмъ ты прогнѣвилъ швоего бога? — Грѣхи моихъ предковъ и мои собшвенные навлекли на меня сіе бѣдшвіе! — Въ чемъ же соспоили грѣхи сіи? — Предки мои, даже самыя родишели, одержимы были пляжкимъ грѣхомъ — бѣдношпію. Въ семь грѣхъ я зачашъ былъ во чревѣ машери моей, въ семь грѣ-

хъ рождень и воспишанъ, и — на двадцашомъ году жизни моей оспался по смерти родителей — получа въ наслѣдство грѣхъ прародительскій. Думая самъ съ собою, чѣмъ удобнѣе можно отъ грѣха сего очистишься, я почелъ за лучшее къ тому средство пойди подъ знамена Хана Касамупдина, отца шеперешняго нашего повелителя. Онъ занимался безпрестанными набѣгами на *Рускія Княженія*, и время отъ времени обогащаясь разнаго рода корыстями, сдѣлался сильнѣйшимъ владѣльцомъ на берегахъ моря Каспійскаго. Я думалъ, что когда полководецъ отъ войны обогащается, то и воинъ безъ того не останешся. Однако я думалъ грѣшно, а попросу — глупо. При всякихъ стычкахъ и сраженіяхъ, будучи всегда напередѣ, я въ числѣ первыхъ получалъ раны и увѣчья, и пошому, когда Ханъ, по одержаніи побѣды, великодушно раздѣлялъ между сопррудниками своими цѣлую соую долю корыстей, я всегда —

покрытый своею кровію, валяясь въ пыли для осушенія ранъ своихъ, и по щипаль за особенную милосшь, если какой-либо жалоспливый землякъ подасшь пригоршню воды для освѣженія помящейся горпани. — По окончаніи каждаго похода заклинался я косями своихъ родителей не искашь болѣе счастья въ войнѣ; но какъ скоро раны мои заживали, какъ скоро слышалъ я звукъ бранной трубы, и поварищей своихъ великими шолпами собирающихся подъ знамена Ханскія, я — невольнымъ образомъ — самъ спремился въ сѣши грѣха, ш. е. глупосши, и опяшь пускался въ походъ, въ чаяніи удачи, и опяшь возвращался по прежнему, нищъ, успаль, изранень. — Такъ провель я сорокъ лѣшь въ полѣ, и — шы пеперь видишь на всемъ шѣлесномъ моемъ соспавѣ доспойное воздаяніе неба за произвольные грѣхи мои!

Когда онъ такимъ образомъ проговориль, я невольно опуспиль руку въ карманъ, вынулъ нѣсколь-

ко апросовъ, и подалъ сему кающе-
 муся грѣшнику. Слезы показались
 на мушномъ глазѣ несчастнаго,
 онъ принялъ подаяніе съ преклон-
 нымъ видомъ, и косными шагами
 удалился. Я не могъ не вздохнуть.
 Правда! сказала я: городъ Моздокъ
 прекраснѣе, обширнѣе многолюд-
 нѣе, чѣмъ всѣ при Княжества,
 Кайшуково, Мирзабеково и Куна-
 ково; но у насъ — благодареніе бо-
 гамъ! и не слышали о такихъ грѣш-
 никахъ, какого я видѣлъ, и какихъ,
 можешь быть, увижу еще не мало!

Вдругъ къ ворошамъ дома, у
 кошораго споялъ я, началъ спе-
 кашься народъ обоего пола. Всѣ
 были очень веселы и дѣлали стран-
 ныя шѣлодвиженія. — Что это
 значишь? спросилъ я у проходя-
 щихъ. Этошь народъ, опивчалъ
 нѣкшо, спекается къ дому Мурзы
 Табидула, дабы по обыкновенію
 проводишь его на площадь, гдѣ
 сего дня за какое-шо пресупу-
 леніе двухъ Горцевъ добрымъ по-
 рядкомъ будутъ одѣляшь палка-

ми по подошвамъ. — О Макукъ! вскричалъ я съ судорожнымъ движеніемъ: такъ это домъ Мурзы Габидула? — Его! — Не говоря болѣе ни слова, я, подобно изспугленному, бросился къ ворошамъ. Изумленный народъ раздался на обѣ стороны; я вбѣжалъ на обширный дворъ, шамъ далѣе и далѣе, и очутился на высококомъ крыльцѣ.

Г Л А В А 5я.

С у д ь я.

Тутъ я образумился. Смошрю впередъ и вижу: въ пространномъ покоѣ, примыкавшемъ къ крыльцу — сидѣлъ по срединѣ на узорчашомъ коврѣ пожилой мущина важнаго вида, въ долгополой одеждѣ краснаго цвѣта. Онъ углубленъ былъ въ чшеніе нѣкопрыхъ бумагъ. По обѣ стороны его сшояло по одному человѣку, коихъ неподвижные взоры усшремлены были на судію,

а потому никто изъ проихъ не примѣшилъ моего присущствія.

Тогда стоящій по правую спорону Мурзы, сказалъ: увѣряю тебя, Мурза Габидуль, святостію моего сана, невѣрныя Горцы достойны сего наказанія; такова мысль моя, главнаго Муллы Моздокскаго. — Увѣряю тебя, Мурза Габидуль, сказалъ стоящій по лѣвую руку, великостію моего сана, что праведный Мулла сказалъ истину. Такова мысль моя, главнаго Мдиванбека Моздокскаго! — А когда такъ, сказалъ съ важностію Мурза, то и я согласенъ!

Послѣ словъ сихъ онъ хопѣлъ привсѣпашъ, дабы приложилъ персень, нашершый чернилами, къ лежавшей передъ нимъ бумагъ, какъ первый предметъ, на глаза ему попавшійся, былъ Князь Кайшукъ. — Ты кто, нечесливецъ! воззвалъ судія, что дерзнулъ бышь при моемъ сокровенномъ совѣщѣ? Это беззаконіе не дешево тебѣ обойдется!

Видя, что пришла и моя очередь вишійшвовашь, мысленно призывалъ я на помощь Макука и Кукама, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, преклонился предъ Мурзою почшишельно, и началъ шакъ:

Великодушный судія! По высокому повелѣнію швоему содержашся здѣсь въ шюръмъ два Ошпинца, крайніе мои пріяшели; а сверхъ шого одинъ изъ нихъ мудрѣйшій полишникъ, а другой храбрѣйшій воевода на свѣшѣ. — Извѣшно мнѣ, что швое великошѣіе осудило ихъ кое-за-что — ибо насшоящая вина мнѣ неизвѣсна, — на палочные удары по подошвамъ, и усугубило число ударовъ за двадцашъ юзлуковъ Жидовскихъ! Внемли, судія безприсрашный! даруй свободу друзьямъ моимъ, и я предлагаю шебъ шполько же. Но чшобы и Жидъ Еліасъ помнилъ сіе происшешвіе, шо я удвою число юзлуковъ, прося шебя повелѣшь опщшашь по пяшамъ его добрую сошню ударовъ.

Сказавъ сію разительную рѣчь, я вынулъ изъ-за пазухи сорокъ юзлюковъ и со смиреніемъ смотрѣлъ въ землю. — Мурза, принявшій въ началѣ словъ моихъ грозный видъ, при концѣ оныхъ ослабился, и подобно матери, съ нѣжностію смотрящей на провинившееся дитя свое, обещающее исправленіе ласками, взглянулъ на опверсшую длань мою и обращаясь къ Мулле, спросилъ: ты какъ думаешь, угодникъ пророка? — Надобно признайся, ошвѣчалъ сей съ шайншвенною важностію, что чужестранецъ говоришь неглуно. Сею ночью во сновидѣніи представился мнѣ Ангель Господень въ пѣнишельномъ одѣяніи, блестящемъ серебромъ и злапомъ. Онъ взялъ край своей одежды, свернулъ въ комокъ, и зашкнулъ имъ дыру въ священномъ занавѣсѣ нашей мечети, проѣденную мышами льшѣ за двадцать назадъ. Теперь постигаю смыслъ сего небеснаго явленія. Изъ сорока сихъ юзлюковъ, половину ты

возьмешь себѣ, а другую отдашь на богоугодное дѣло, — на заштопаніе дыряваго занавѣса. — Такъ, — сказала Мурза, пропянувъ ко мнѣ руку, въ кошорую я съ вочшишельнымъ поклономъ положилъ юзлуки свои, — такъ! завѣса пребуешь починки; но думаю, что для заштопанья дыры, какова бы ни была она, довольно въ наше дешевое время и пяши юзлуковъ!

По сихъ словахъ онъ опцишалъ Муллѣ означенную сумму, и подавая своему Мдиванбеку еще два юзлука, сказала: сей часъ пригошовъ повелѣнія, — одно объ освобожденіи двухъ Осепинцевъ изъ шемницы, а другое, о преданіи испязанію Жида Еліаса; онъ и подлинно великій богохульникъ!

Скоро повелѣнія были гошовы; Мурза приложилъ къ нимъ перспнемъ своимъ печашаи, и одно подавъ мнѣ, сказала: покажи сію бумагу шюремному приставу, и друзья швои на волѣ. Алла да управишъ снопы швои!

Подобно коршуну, который вырвавшись изъ сѣтей, быспро парилъ въ равнинахъ воздуха, и испышя самъ себя, уже ли опяшь на свободѣ, дѣлаешь безчисленные круги и повороты — шакъ и я — услышавъ дозволеніе итти, рванулся, спремглавъ слепѣль съ лѣспницы, но не чувствую ни малѣйшей боли опъ паденія, бросилъся бѣжать по двору, а шамъ и по улицѣ. Меня вѣрно сочли бы бѣглецомъ и задержали, если бы не видѣли въ рукѣ моей лоскуша бумаги, ознаменованнаго печашію Мурзы Габидула. Пробѣжавъ нѣсколькo сопъ шаговъ, я ошановилъся, и впервые спросилъ самъ себя: гдѣ же шюрма? куда бѣгу для спасенія соучастниковъ въ гоненіяхъ судьбы во время моего Чернаго Года?

Осмаприваясь направо и налѣво, я видѣлъ множество людей обоего пола, но не смѣлъ подступить къ нимъ, предполагая, что и ихъ опвѣшы о мѣспѣ шюрмы

будушь пѣ же , какіе не задолго предъ пѣмъ получалъ я о жилищѣ Мурзы Габидула. Когда я опъ во рошь одного дома подходилъ къ другому по порядку, и внимашельно прислушивался подъ окнами, не услышу ли гдѣ спона и вопля, жалобъ и сѣшованій, изъ чего бы досповѣрно могъ узнатьъ городскую шюрьму, особеннаго роду крикъ и шумъ, выходившій изъ маленькаго домика, выспроеннаго изъ дикихъ каменьевъ на образецъ Горскій, меня ошановили. Эшо была согласная смѣсь воплей, крика, пѣнія, игры на бубнахъ, хохота и явсшвенныхъ ругашельсшвъ. — Увидя сидящаго у дверей пожилаго худоодѣшаго Ташарина, полусонными глазами глядѣвшаго въ землю, я подошелъ къ нему и ласково сказалъ: почшвенный человекъ! объяви мнѣ пожалуй, какіхъ чудовищъ содержишь ты въ эшомъ домѣ? — Онъ опворошилсѣ, зѣвнулъ и зажмурилъ глаза. — Видя, что присшупы мои не помогають, я рѣшилсѣ прибѣгнушь къ

удачному средству достигашь цѣли своихъ желаній, вынулъ нѣсколько абазовъ (*), и началъ звенѣть ими. Тапаринъ открылъ глаза, взглянулъ на меня умильно, и сказалъ въ полголоса: такъ тебѣ хочешся знашь, кто обишаешь въ семь жилищъ? — Да, отвѣчалъ я, кладя абазы къ нему на колѣни. — Изволь, я удовольствую свое любопытство, и ты конечно согласишься, что законы Тапарскіе лучше всѣхъ законовъ въ свѣтѣ. Здѣсь содержащяся Государственные преступники! — Какъ? вскричалъ я съ воспоргомъ: такъ это городская шюрма? — Постой, отвѣчалъ Тапаринъ; не мѣшай мнѣ окончить начатое. Всѣ сіи заключенные осуждены правосуднымъ Габидуломъ на претерпѣніе различныхъ казней, смотря по мѣрѣ ихъ преступленія. Не самая ли справедливость требуетъ, чтобы таковымъ людямъ дасть болѣе свободы, неже-

---

(*) Серебряная монета, равняющаяся нашему гривеннику.

ли сколько позволяеть обыкновеніе? Зданіе сіе по одному имени и обманчивой наружности, кажешся жилищемъ непривлекательнымъ. Всякъ, вышнимъ промысломъ сюда посылаемый, имѣль бы только деньги, и онъ будешъ имѣть со избыткомъ всё ушѣхи рая Магомешова. Цѣлые шулуки лучшаго вина будупъ лежать у ногъ его; прекрасныя Армянки и Черкешанки позабавяпъ его игрою, пѣніемъ и плясками; а къ довершенію свободы, онъ ненаказанно можешъ произносипъ ужасныя ругательства и проклятія не только на правосуднаго Мурзу Габидула, но и на самаго державнаго Хана, а если совѣшь не зазираешъ, то пожалуй и на великаго пророка Магомеша.

Хошя мнѣ шаковая свобода показалаь не болѣе завидною, какъ ожидающая насъ въ подземномъ владѣніи Кукамовомъ; однакожь похвалилъ сей законъ Ташарскій, и съ нешерпѣніемъ спросилъ: не въ семь ли прелестномъ мѣстѣ блаженству-

юшъ шеперь два знаменишые Осе-
шинца изъ владѣнїй славнаго Кня-
зя Кайшука.—Одинъ—гмъ! одинъ—
несносный пуспомеля, — подхва-
шилъ Ташаринъ, а другой молчали-
вой ишекъ. Оба они самые негод-
ные собесѣдники, кошорые ничѣмъ
не занимающся, какъ шолько при-
зывающъ какого-шо Макука, и вѣ-
рояшно шакого же скоша, какъ и
сами! да полно, не шы ли шопъ
Макукъ, коего умоляющъ они объ
освобожденїи?

Добрый человекъ! — сказалъ
я значительно; шы опчасши до-
гадался. Хошя я не шолько дер-
зокъ, чшобъ смѣлъ уподобляшь се-
бя державному Макуку, однако шоч-
но съ шѣмъ и пришелъ сюда, что-
бы освободить двухъ упомянушыхъ
узниковъ. На! прочши сіе руко-
писанїе!

Г Л А В А 6я.

Тюремный приставъ.

Съ видомъ увѣришельнымъ о несомнѣнномъ и скоромъ исполненіи моего шребованія, подалъ я повелѣніе приславу. Онъ повершѣлъ его въ рукъ, осмошрѣлъ со всѣхъ споронъ, и весьма хладнокровно положилъ за пазуху. — Чшо же далѣе, почтенный другъ? — А чего шебъ хочешся? — Выпусти моихъ знакомцевъ! — Надобно прежде прочешъ повелѣніе! — Да вишь ты чиналъ его? — Охъ! всю ночь не спавши ошъ крику и возни проклятыхъ узниковъ, я глазъ продрашъ не могу, — шакъ и слипающся! —

Сказавъ сіе, онъ по прежнему зажмурился и захрапѣлъ. — Вошъ настоящій Кукамъ въ образъ сего Тапарина, говорилъ я со вздохомъ; о, если бы ты попался мнѣ на горахъ нашихъ, узналъ бы гибкость моей нагайки и крѣпость жезла ке-

дроваго! — Впорично вышца горсть абазовъ, началъ я по одному съ разшановкою и щешомъ класъ въ опкрышую руку шюремщика. Когда я съ послѣднимъ словомъ: двадцашъ! осшановилсъ, рука его начала сжимашься, сжаласъ, полъзла въ карманъ, а опшуда за пазуху, и вынырнула съ повелънѣмъ Мурзы. Спражъ очнулся, поморщилсъ, и шяжело вздохнувъ, произнесъ: правду сказашъ, должносшь моя весьма видна и прилична знашнымъ людямъ, но за шо ужъ и хлопощлива, охъ! хлопощлива!

Проговоря сѣи слова, онъ началъ опашъ осмашривашъ рукопись; осмашрѣлъ внимашельно, и произнесъ надежнымъ голосомъ: кажешся, рука Мдиванбека и печашъ Мурзы Габидуза. — Чего кажешся? вскричалъ я довольно горячо, — я самъ былъ очевиднымъ свидѣшелемъ, какъ одинъ писалъ, а другой прикладывалъ печашъ! — Это весьма хорошо, дорогой прѣшель, оп-

вѣчалъ Тапаринъ; но имѣть оспорожность, никогда не лишнее. Ты не повѣришь, сколько пеперь завелось у насъ бездѣльниковъ. Не болѣе спа лѣшь прошло, какъ мы начали знакомишься съ Москвичами, а уже довольно набрались разныхъ мудросшей: того и гляди, что попадешься впросакъ, а особливо на шакомъ скользкомъ мѣстѣ, каково мое! — Чшожь мы будемъ дѣлать? — Не превожся! великодушный Мурза Габидуль каждомесячно самъ свидѣшельспвуешъ городскую шюрьму. Вчера онъ былъ здѣсь, и шакъ ровно черезъ двадцать девять дней опяшь будешъ. Тогда я покажу ему сію бумагу, и если онъ не опопрешся опъ своей печаши, шо въ шо же время пріятели швои будупъ на свободѣ! — Развъ онъ оппираешся иногда опъ собшвенныхъ повелѣній? — Бываешъ! да и можно ли все припомнить?

Меня ударило въ пошь, и я чувшвовалъ всю шягосшь, меня

угнѣшающую. Проклятый человекъ! если бы ты хранилъ шюрьму свою внѣ города, то я въ одну минушу удавилъ бы шебя!

Размысли обстоятельно, я подозревалъ, что если не поступлюсь еще нѣсколькими юзлуками, то и всѣ, прежде данные, легко могушь пропасть, не избавя друзей моихъ отъ палочныхъ ударовъ; а сверхъ того добрые сіи люди найдущь способъ и самаго меня запряшашь въ сей рай Магомешовъ; почему — вспомни выраженіе одного Горскаго мудреца: даромъ получилъ — даромъ и отдай! — я равнодушно пользъ опять за базами.

Другъ сердечный! сказалъ я, принявъ на себя видъ смѣющійся: ты не думай, что я не знаю чеспи! Скупость для меня несозна и я счишаю ее тяжкимъ порокомъ. Разсуди самъ: если мнѣ ждашь цѣлый мѣсяць, пока Мурза Габидуль сюда пожалуешь, то я много пошеряшь могу, ибо мнѣ во сполько времени надобно уже бышь въ Аспрахани;

а пошому — вошь шебъ пшдешашъ абазовъ , чшо соспавишь десяшь добрыхъ юзлуковъ.

Такъ и бышь! вскричалъ Тапашринъ , схвашя спремшельно мои деньги ; — клянусь прахомъ предковъ моихъ , чшо моя чувсшвишельность когда нибудъ дорого мнъ спощишь будешъ ; я никакъ не могу удержашься , чшобы не услужишь доброму пршашелю по его просьбъ . Эшо неизцълмая болъзнь моя ! шакъ и бышь ! беру на свой спрахъ освобожденше друзей швоихъ ! поздравь ихъ , они сшо минушу свободны !

Съ сими словами онъ обнялъ меня самымъ дружелюбнымъ образомъ , и я — при всемъ негодованшн , кошорое конечно опъ него не скрылось , — долженъ былъ сошвшшшвовашь его ласкамъ . — Учшшвшшшвилились ръкою , замысловатымъ ръчамъ конца не было , и онъ прочелъ похвальную ръчь дружешшвшу , кошорое за спасенше любимыхъ предметовъ , ни сколько юзлуковъ не жалъешъ . — Ты велико-

душнѣйшій изъ людей! вскричалъ онъ съ великимъ воспоргомъ, схвативъ мои руки и сжавъ ихъ крѣпко своими; я гошовъ поклясъся гробомъ самого великаго пророка, его бороною, глазами, носомъ, ушами, ну — чѣмъ хочешь, — что ты еще — десяти юзлуковъ не пожалѣешь!

Примѣшя, что я задрожалъ, оледѣнѣлъ, — онъ остановился, оглядѣлъ меня, и скоро послѣ продолжалъ съ дружескою довѣренностию.

Разумѣешься, — если я окажу тебѣ великую, существенную услугу, какую бы не скоро оказалъ другой на моемъ мѣстѣ! Выслушай: не знаю по какому случаю, только горные друзья твои предсавлены ко мнѣ болѣе нежели въ нищенскомъ видѣ. Рубища, ихъ покрывающія, ничего въ самой вещи не закрываютъ. Теперь день, и какъ на бѣду — самый ясный. Видишь, сколько народу обоего пола бродяшь взадъ и впередъ! что

скажущь смиренныя Имань, что скажущь цѣломудренныя дѣвы наши — увидя диковину, никогда ими невиданную? Самое меньшее зло будешь, что весь народъ приметъ васъ въ каменья, а если и живы останешься, то прямо опять ко мнѣ попадешься, и тогда — поминай, какъ васъ звали!

Теперь и самъ я понялъ, что предшавленіе присава довольно челоѡколубиво; почему съ легкимъ вздохомъ, захвативъ еще горсть юзлуковъ, спросилъ: какъ же эту новую бѣду отвесити можно? — А вошь какъ, отвѣчала онъ съ улыбкою: здѣсь у меня въ особенной кладовой хранятся между прочимъ одежды одного Жида, повѣшеннаго за предательство, и одного Москвича, попавшагося въ плѣнь. Какъ сей послѣдній назначень сперечь шабуны овецъ по шу сторону Терека, гдѣ нѣтъ ни Имановъ, ни Ташарокъ, у насъ же тепло, не по Московскому, то онъ и ходитъ нагой никого не соблазняя. Оба

сіи плашья — я уступлю друзьямъ швоимъ за означенную сумму! чшо скажешь, другъ сердечный? — Въ знакъ согласія я кивнулъ головою, положилъ юзлуки въ руки сему доброхошу, онъ ошперъ дверь шемницы и скрылся.

Благодареніе Макуку, сказала я; кажешся испытаніе мое кончилось! о Макукъ! клянусь голосиспымъ рожкомъ швоимъ, чшо я, во время владычештва въ достояніи предковъ моихъ, если не всегда и не во всемъ соблюдалъ строгія правила справедливости, шо никогда не походилъ на хищныхъ злодѣевъ, каковы Моздокскій Мурза Габидуль и сей шюремный присшавъ! Хошя за сіе одно просши меня, и будь милосшивъ на будущее время!

Г Л А В А 7я.

Старые знакомцы.

Чтобы нечаяннымъ открытіемъ не встревожишь добрыхъ друзей и не сдѣлашь ихъ посмѣшищемъ глупаго народа, всегда жажущаго видѣть что нибудь хотя нѣсколько необыкновенное, я спалъ бокомъ къ дверямъ пемницы, нагнувъ на глаза Кабардинскую шапку, и какъ скоро въ сопровожденіи доброхотнаго шюремщика показались блѣдныя, щощія, чудовищныя пѣни Шамагула и Бекшемира, я сколько можно надувши щеки, сказалъ полусердичнымъ голосомъ: слѣдуйте за мною!

Зная, что въ сѣнахъ города пристать намъ некуда, я со спутниками своими направилъ шествіе къ полю. Народъ провожалъ насъ съ крикомъ и свистомъ, а невѣрные ребячишки комьями засохшей грязи. И въ самомъ дѣлѣ — мы

составляли, едва ли когда-либо виданную ими забаву.

Предсхавъ, кшо хочешъ, слѣдующую каршину, и суди, доспащна ли была она къ возбужденію буйства въ любопышной черни. — Впереди идетъ молодой, порядочно одѣтый Кабардинецъ, котораго принявъ — никто не знаетъ для чего — надмѣнный видъ, выпущаетъ важнѣе Мурзы Габидула, заломавши за спину руки, и съ боку на бокъ покачиваясь. За нимъ плещется пощее спрашилище, которое и въ добрую пору было выше обыкновеннаго роста, а теперь казавшееся исполиномъ, съ загрязненными лицомъ, руками и ногами, спеленанное въ крашеный Жидовскій саванъ, бывшій когда-то синяго цвѣща. Одежда сія не совсѣмъ отвѣчала обѣщанію шюремщика, чшобы обезпечить взоры спыдливыхъ Ташарокъ отъ соблазна; но путешественникъ умѣлъ недоспащокъ своей одежды замѣнять руками. — За симъ слѣдуетъ

другое подобіе человѣческое, которое походило на куклу, запряжанную въ кучь грязнаго бѣлья. Видно Москвичъ, во время впаденія въ плѣнь, имѣлъ непосредственно опкормленное чрево и не малый ростъ, ибо у пушника, одѣшаго въ его одежду, видна была одна порчащая голова, а прочія часши всѣ сокрыты въ сѣрсмъ суконномъ мѣшкѣ. Все эшо значило въ корешкихъ словахъ, что впереди шешвовалъ Свѣплѣйшій Князь Кайшукъ, за нимъ шагаль Верховный Визирь Шамагуль, а ходъ замыкаль храбрый Сардаръ Бекшемиръ. Послѣ узналъ я, что жребій располагаль выборомъ одежды, ибо ни одному не хотѣлось добровольно показаться народу въ облаченіи вистѣльника.

Вышедъ изъ спѣнь города, къ немалому удовольствію увидѣлъ я вдали на два выспрѣла изъ лука, на берегу извивающагося Терека, нѣчто похожее на небольшой каменный городъ. Подвигаясь преж-

нимъ порядкомъ впередъ, мы незамедля къ нему приблизились, и я, спувивъ за ограду, сначала изумился, увидя великое множество домиковъ безъ дверей, безъ оконъ и безъ обиташелей. Однако скоро спохватился, и безъ дальнихъ догадокъ заключилъ, что мы на Ташарскомъ кладбищѣ. Я несказанно обрадовался, нашедъ мѣсто, сколько пригодное намъ въ настоящемъ положеніи; да и въ самомъ дѣлѣ — всеобщая пищина, навѣваніе крошечкаго въшерка со стороны рѣки, крѣпительная шѣнь буковъ, кедровъ и чинаровъ, распущихъ во множествѣ надъ вмѣспилищами Ташарскихъ праховъ, дѣлали мѣсто сіе плѣнительнымъ, хошя бы и не для насъ, высокихъ изгнанниковъ. — Настало время опкрытія. Въ эшу минушу почувсшвоваль я въ существѣ души моей какое-то смяшеніе, разлившее ошущительную перемѣну и въ моемъ сердцѣ. Я предчувсшвоваль, что мои бывшіе подданные, видя меня въ семь сосшоя-

нїи, сполько для нихъ новомъ, неожиданномъ, конечно не сохраняшь ко мнѣ прежняго благоговѣнїя. Я на опытъ узналъ, что для человѣка, съ высоты могущества низпадшаго въ бездну униженїя, всего спасительнѣе — неизвѣстность прежняго соспоянїя. Едва ли не правду сказалъ одинъ мудрецъ: лучше не существовать, чѣмъ существовать позорно! Какъ горестно имѣшь свидѣтелями облаченїя нашего въ рубища шѣхъ, кои привыкли видѣть насъ во всемъ блескѣ великолѣпїя! — Въ извиненїе шаковой ложной чувствительности скажу, что она была мгновенная. Я принялъ геройскїй видъ, призвалъ Макука въ помощь вознесшихъ превыше бѣдствїй, меня постигшихъ, и обращаюсь къ сопутникамъ, воззвалъ: вѣрные друзья мои! узнаете ли во мнѣ прежняго властелина вашего, Князя Кайшука?

Г Л А В А 8я.

Предисловіе къ слѣдующей.

У чувствительнаго воеводы Бекшемира глаза зажмурились, и онъ какъ чурбанъ повалился въ крапиву; за то Визирь Шамагуль оказался мужественнѣе. Осмотрѣвъ меня внимательнѣе, онъ преклонилъ колѣно, облобызалъ край моей одежды, и сказалъ: правосудные боги услышали наши моленія, и ты, Свѣшлѣйшій Князь, возвращень намъ, нелицемѣрнымъ друзьямъ швоимъ и подданнымъ! — И подданнымъ? спросилъ я спремисельно. — Увы! опвѣчалъ онъ: подданные швои заключающя въ насъ двоихъ, ибо у тебя никого и ничего нѣтъ болѣе! — Какъ скоро, сказалъ я равнодушно: благодарный Макукъ возвратилъ мнѣ мудраго Визиря и храбраго Сардара, то вѣрно не опречется возвратишь и все Княжество, наследіе высокихъ предковъ моихъ!

Помогши оправившись Бекпемиру, и осуша его слезы, усьлись мы въ проспранной гробницѣ, осѣненной со всѣхъ споронъ кипарисами, и принялись ушѣшашъ одинъ другаго, воспламеняя себя воображеніемъ о будущемъ благополучіи. Среди обильныхъ нашихъ разговоровъ, въ копорыхъ повѣдалъ я своимъ слушателямъ всѣ происшествія, случившіяся со мною со дня роковаго сраженія на горахъ Кавказскихъ даже до насюющей минушы, въ копорую избавиль ихъ ошъ палочныхъ ударовъ и шемницы, при чемъ снова оказывали они мнѣ знаки особенной благодарности и благоговѣнія, солнце совершило двѣ прени ежедневнаго своего пушешествія.

Когда такимъ образомъ удовольствовавъ ихъ любопытство, а можешъ бышъ болѣе свое желаніе похвалишъся удачами, по предложиль друзьямъ своимъ, чшобъ и они въ свою очередь оставили излишнюю скромность и ввѣрили шайну Гор-

скихъ происшествій, сколько бы они ни были горесны для моего сердца. Кого гонишь судьба и кто умъ ешь прошивопоспавишь ей шерпѣнїе, говорилъ я съ видомъ надежнымъ, того ничто не опечалишь. Я лишился Княжества и не унылъ; лишился Княжны Сафиры и не умеръ. Говорите все, любезные друзья мои, и будъше увѣрены, что не увидите ни одной слезы, не услышите ни одного вздоха, хотя бы объявили, что Княжество мое предано безъ ошашка мечу и пламени, и что божественная Сафира сама кинулась въ руки гнуснаго Князя Кубаша, и на собственномъ моемъ ложѣ раздѣляешь его спрашныя желанія.

— О мужественнѣйшій изъ всѣхъ Князей, когда-либо обладавшихъ на горахъ нашихъ! сказалъ Шамагуль; изъ своихъ свѣплыхъ взоровъ, изъ румянаго лица, изъ непомярной поворошливости языка своего, и не будучи великимъ полишикомъ могъ бы заключишь я, что ты про-

шедшую ночь провелъ не на голой сырой землѣ, что опочилъ бы не съ пустымъ желудкомъ и запекшеюся горшанью. Но какъ сіи бѣдствія постигли насъ совокупно, то — повѣрь моей честности, — воображеніе мое такъ шуло, что ничего въ порядкѣ представить не можешь; языкъ до того одеревенѣлъ, что съ трудомъ ворочается.

Съ чувствомъ состраданія принялъ я представленіе Шамагулово, а пошому, поговоря еще о средствахъ снабдить себя пошребностями въ жизни, условились, что бы Визирь, облачась въ одѣяніе Москвича, пушился въ Моздокъ, и сохраняя всевозможную ошпороженность, дабы жишели не ошкрыли нашего убѣжища, которое почишаютъ свяшынею, воропился къ намъ при свѣтѣ мѣсяца. Почему онъ, одѣвшись какъ слѣдуетъ, и запасшись юзлуками, ошправился; а я и Бекшемиръ, оставшись одни, не нашли приличнѣйшаго предмета къ разговору, какъ занявшись бесѣдою

о шѣхъ благахъ, какія ожидали насъ при появленіи во дворцѣ могущаго Хана Самсуддина. Сими прелестными видами будущаго мы сокращали свое время.

Г Л А В А 9я.

П о б ѣ д и т е л ь .

Въ урѣченное время Визирь возвратился благополучно. Онъ былъ навьюченъ изряднымъ шулукомъ вина и кисою со всякими съѣсными припасами. Вспрѣшивъ его съ распроспершими руками, принялись за зубную работу съ великимъ усердіемъ, и ни о чемъ болѣе не шолковали, кромѣ, что благодарили боговъ за ихъ дары земные, и по времени шакъ расхрабрились, что одни въ шроемъ надѣялись возвратишь назадъ Княжештво и наказашъ хищныхъ сосѣдей. — По вѣрьше, друзья мои, вскричалъ я, что благодѣшельный Макукъ, видя швердосшъ нашу, укорощаетъ мой

Черный Годъ, и мы не примѣшимъ, какъ очушимся на горахъ, гдѣ я возсяду съ величіемъ на испещренныхъ козлахъ своихъ, и предъ лицемъ всего народа воздамъ должную награду за вашу ко мнѣ дружбу и преданность.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы заснули, и когда открыли глаза, то увидѣли солнце, блестящее на чистомъ небосклонѣ. Расположась пробыть въ семь убѣжищъ ровно три дни для укрѣпленія силъ своихъ къ дальнему походу въ Аспрахань, мы, какъ люди благоразумные, свидѣтельствовали первоначально мощну денежную, и хопя нашли ее не очень уже дородною, однако она — по нашему расчету — доспашочна была прокормить насъ до самой Аспрахани, гдѣ безъ всякаго сомнѣнія ожидали ошь Самсупдина скорой и важной помощи.

Позавпракавъ надлежащимъ образомъ, я возобновилъ свое пребываніе, чшобы сопушники мои по-

вѣдали о дальнѣйшихъ Горскихъ происшествіяхъ, послѣ разлуки нашей случившихся. — Тогда краснорѣчивый Шамагуль, порасправя усы, началъ шакъ свое повѣспованіе :

Когда ты, Свѣплѣйшій Князь, не совсѣмъ обезумленъ былъ въ шопъ роковой день, въ кошорый злобный Кукамъ взглянулъ на воинство наше свирѣпымъ окомъ, шо легко припомнишь шопъ ужасъ, кошорый оковалъ всѣхъ насъ опъ младшаго до старшаго, опъ чего вѣрояшно и высокой особы швоей исключашъ не надобно. Я прилагалъ все стараніе прихрабришься, но ни шупъ шо было. Прошиву боговъ ратовашъ не власпны смершные. Разумъ мой вопіялъ: Сшой швердо, Шамагуль! мужайся, Визирь! поражай супосшашовъ! Но измѣнническіе глаза закрылись; опнявшіяся руки опустились долу; а ноги — опкуда, чшо взялось — со всего размаху бросились бѣжашъ. Я думалъ, чшо Макукъ, избавляя меня опъ погибели, преврашилъ въ дикаго козла

или въ оленя. — Бѣгство мое продолжалось до тѣхъ поръ, пока сползнувшись о камень, брошенный конечно Кукамомъ подъ ноги, не повалился на землю. Радостный вопль раздался вокругъ меня. Это онъ, кричалъ знакомый голосъ; это славный полищикъ, Визирь Шамагуль! ведите его за мною! — Чувствуя исполненіе шаковаго приказа, я рѣшился оказать примѣрное мужество, собралъ всѣ силы души и тѣла, и — съ неподражаемымъ присущивіемъ духа, — открылъ оба глаза!

Я увидѣлъ грозную толпу мяшущихся Горцевъ, предводительствуемыхъ Княземъ Кубашемъ. Всѣ мы направляли быстрые шаги къ прежнимъ нашимъ жилищамъ. — Сколько восхищенно возвращаясь на свою родину побѣдимъ, сколько горестно, убійственно являясь на ней — побѣжденнымъ плѣнникомъ! Признаюсь, что еслибы не страшны были мнѣ острые когти Кукамовы, то я —

въ погдашнемъ положеніи , прило-
жилъ бы всѣ свои силы, чшобы из-
торгнушься изъ рукъ побѣдителей
и кинушься въ пропасть съ верши-
ны перваго ушеса.

Вечерняя заря , какъ на смѣхъ
намъ , разлила ручьемъ алые лучи
свои на голубомъ небѣ и золошила
камышевыя кровли швоихъ черпо-
говъ и нашихъ храминъ. Все без-
перое, движущееся на двухъ ногахъ,
вспрѣшило насъ подъ предшесшви-
емъ богомерзкаго измѣнника Мар-
куба, копторый, представъ лицу Ку-
баша, сказалъ: привѣшшвую тебя и
съ храброю дружиною въ предѣлахъ
нашихъ ! Спя безумныхъ послуш-
никовъ богохульника Кайшука раз-
сыпана , какъ стадо зловѣщихъ во-
ронъ разсыпаешся ошъ одного
взмаху крыломъ орла поднебснаго!
Чершogi Кайшуковы пусшы и го-
шovy приняшъ тебя на непроспы-
лое ложе его ; воиновъ швоихъ уч-
редимъ мы по достоиншву. Войди
къ намъ опочишъ по незабвенныхъ
своихъ подвигахъ! — Благодарю за

приглашеніе, опивчалъ надувшись Кубашъ; но благоразумная полиши-ка велишь мнѣ поступить иначе! (Сердце обливаеся кровію, когда только вспомню, что и безмозглый увалень дерзнулъ нѣчто сказать о полишикѣ.) Знаю я, — что ложе Кайшуково мягко, что бараны его жирны, и водка его весьма крѣпительна, — однако же при всемъ помѣ я останусь съ храбрымъ воинствомъ ночевать на сырой землѣ; ибо мудрая полишика того пре-буешь, и я не прежде возмогусь на козлы Кайшуковы, пока совершенно не увѣрюсь, что всѣ подданные его хощають того единодушно!

Да будешь шакъ, — воззвалъ Маркубъ; при раннемъ упрѣ приведу къ тебѣ оставшійся народъ нашъ, дабы удосповѣрился пы о непреложномъ желаніи его имѣшь тебя своимъ властелиномъ.

Онъ хощель удалиться, какъ побѣдоносный Кубашъ сказалъ: Однако, благочестивый Маркубъ! я опрекся постыпить шеперь жилища

ваши по внушенію мудрой полишки; но полишика желудка имѣешь также свои требованія, копорымъ не рѣдко надобно удовлетворяшь съ большею исправностію, чѣмъ правамъ первой. И такъ, вели пригнашь сюда дюжины двѣ Княжескихъ барановъ, и все нужное для ужина, а шамъ покойно ожидай завшрешняго дня, въ копорый доспапочное получишь возмездіе за швою ко мнѣ преданность, ибо я не Кайшукъ, боюсь боговъ и чшту ихъ священнослужителей.

Такъ и сдѣлано. Ночь прошла въ веселомъ пиршесствѣ, въ копоромъ я имѣлъ самое худое щаспіе. Грубіянь Кубашъ не прежде обо мнѣ вспомнилъ, какъ подъ конецъ онаго, и подавая каждый кусокъ шешлыка, съ насмѣшкою говорилъ: за здоровье Князя первосвященника, и Визиря его — изобрѣшашеля ордена нагаекъ!

Прискорбны были мнѣ дерзкія слова сего невѣжи, но пособишь было не чѣмъ. Глядя на другихъ,

и я предался покою послѣ такого сумашошнаго дня и не менѣе его гореспной ночи.

Г Л А В А 10я.

Важное порученіе.

Настало утро безоблачное, но ахъ! оно не ободрило унылой души моей! Раздались громкіе звуки роговъ и бубновъ, но увы! они были не шѣ, кои сопровождали меня съ вельможами или во храмъ Макука, гдѣ священнодѣйствовальшы шакъ плѣнишельно, или въ чершогъ Совѣша, гдѣ изрекаль мудрыя и полезныя учрежденія, какъ - шо: объ и зящесш въ шешлыка и водки, о легчайшихъ способахъ получишь Княжну Сафиру и о пользѣ установленія орде на нагайки.

Измѣнникъ Маркубъ появился съ народомъ, и произнесъ рѣчь предъ Кубашемъ, въ коей предлагаль ему по вчерашнему швое Кня-

жество. Ты побѣдитель, безподобный Князь Кубашъ, вопіяль сей бездѣльникъ во услышаніе всѣхъ: а попому ты боголюбивъ, щедръ ко жрецамъ и милоспивъ къ народу. Могущество Макука только что съ твоимъ сравнишь можешь, а Кукамъ не дерзнешъ и поднишь на себя шусклыхъ очей своихъ! Будь нашимъ Княземъ, властелиномъ, или чѣмъ желаешь! Иди во храмъ Макука, гдѣ я ошь имени всего народа принесу тебѣ присягу въ вѣчной вѣрности, а послѣ проводимъ въ чершогы Кайшукковы, гдѣ найдешь ты, чѣмъ утолишь алчбу и жажду и удовлетворишь прочимъ желаніямъ. — Князь Кубашъ, заломивъ набекрень шапку, опвѣспововаль: исполню желаніе жрецовъ и народа! Возму въ длань мою пещъ и возсяду на козлахъ Кайшукковыхъ. Мѣра сія, мною давно обдуманная, согласна съ изволеніемъ Макука и достаточна возвеличишь славу мою во всѣхъ концахъ вселенныя. Она докажешь

племенамъ позднѣйшимъ, сколь счастливы были народы, подвластные кедровому жезлу Князя Кубаша!

Послѣ сего глупаго, хваспливаго опвѣща, всѣ ринулись во храмъ Макуковъ, гдѣ по совершеніи священнодѣйствія, Князь Кубашъ принялъ опъ насъ присягу на вѣрность, въ присушествіи опца своего Князя Кунака, Князя Мирзабека и Княжны Сифиры.

Какъ! вскричалъ я прервавши повѣствованіе Шамагулово: прелестная Княжна Сафира не усумнилась бышь свидѣтельницаю поржества Кубашева, основаннаго на моемъ посрамленіи? О горесъ! могъ ли я ожидать сего? Я всегда ушѣшалъ себя въ напастяхъ Чернаго Года воображеніемъ, что божественная Княжна, воспоминая обо мнѣ, соболъзнуешь, горюешь, — а можешь бышь — чего не лзя ожидать опъ чувствительной дѣвицы? а можешь бышь — хомя шихонько, хомя украдкою выронишь иногда перловую слезу уми-

ленія душевнаго въ даръ памяти
ее любившаго! А шеперь — что
слышу! о злобная Княжна! о без-
жалостная Сафира!

Некрушись, Свъшлѣйшій Князь,
сказаль Шумагуль, продолжая свое
повѣствованіе; я вскорѣ докажу,
что Княжна Сафира тебя любишь,
или по крайней мѣрѣ ненавидишь
швоего соперника.

— По окончаніи сего шоржества,
мы всѣ собрались на Княжескомъ
дворѣ швоемъ, и принялись за пир-
шество, кошорое продолжалось до
шѣхъ поръ, что Мирзабекъ и Ку-
накъ предались ночному покою на
шѣхъ самыхъ мѣсцахъ, на коихъ
сидѣли, а Сафира, въ сопровожде-
ніи вельможъ, опправилаь въ чер-
шюги родишельскіе. Нѣчего сказы-
вашь, что почши такимъ же обра-
зомъ прошло довольно времени, и
вѣрояшно, такъ же прошло бы и
болѣе, еслибы дозволила шо лю-
бовная неперпѣливостъ Князя.

Въ одинъ день рано поушпру
онъ сказаль мнѣ: Шамагуль! ше-

перъ я, благодаря боговъ, наричаемый владѣтель цѣлаго Княжества, и если отецъ мой не преселился во область Кукама въ печеніе спалѣшь, то могу прожить не кланяясь ему за кусокъ хлѣба. Ты знаешь о любви моей къ прекрасной Княжнѣ Сафирѣ, и объ ея ко мнѣ склонности, одобренной обоюднымъ согласіемъ высокихъ нашихъ родителей. Случая упускашь не надобно! Хотя я не великій охотникъ до излишнихъ зашѣй, однако порода наша пребываетъ нѣкошораго опличія. Ты, правда, выкинулъ и зрядную глупость, присовѣщавъ своему Князю учредить орденъ нагайки, но при всемъ томъ я считаю себя поумнѣе всѣхъ земляковъ своихъ и достойнѣе другихъ того великаго сана, въ которъй намѣреваюсь облечь себя, а именно: назначаю Чрезвычайнымъ Посломъ моимъ къ Мирзабеку для испрошенія мнѣ въ замужство дочери его Княжны Сафиры. Напередъ знаю, что

шы будешь приняшь оплично и одаренъ какъ опцемъ, шакъ и дочерью. На сей конецъ призови въ помощь всю свою полишику, копорой набрался шы въ пушешествіяхъ, и кошорою хваспаль временно и безвременно. Лучшіе изъ шълохранишелей будущъ сопровождашь шебя для бѣльшого великолѣпія.

Умный человекъ всегда найдешъ случай опличисья и прослависья. А пошому, чшобы не пропадало даромъ лучшее произведеніе моей полишики, шо я рѣшилса опправисья въ семь случаѣ Посланникомъ къ Мирзабеку шочно съ шюю свишою, съ шѣмъ великолѣпіемъ, съ каковыми намѣревалса посѣшпшь его за нѣскольго мѣсяцовъ назадъ, задумывая свапашъ за шебя, Свѣшлѣйшій Князь, прекрасную Княжну Сафиру. — Въ слѣдшвіе сего —

Г Л А В А 111.

Неудачное посольство.

Ровно черезъ шесть дней послѣ сего порученія, рано поутру явился я передъ Княжескими чершогами во всемъ облаченіи Чрезвычайнаго Посла, со всею свихою и подарками. — Извѣстный шебъ Кабардинской породы конь былъ первую драгоцѣнностію въ числѣ подарковъ. Онъ особливо славился въ опчизнѣ нашей проворствомъ, съ какимъ блаженной памяти родителя швоего унесъ съ поля сраженія и шѣмъ спасъ его опъ предстоявшей опасности попасшся въ плѣнъ, что случилось не болѣе какъ за двадцашъ лѣшъ предъ симъ. Онъ убранъ былъ на Кабардинскій вкусъ весьма красиво. Пара наилучшихъ Лезгинскихъ бурокъ лежала на спинѣ его, а по споронамъ лукъ и колчанъ со стрѣлами. Позади его стояли два молодые быка, связанные вмѣстѣ за рога красными шершняными ве-

Часть II.

Е

ревками. За ними слѣдовали при пары барановъ, равнымъ образомъ спущанные. Дюжина Индѣйскихъ пѣшуховъ и сполько же куръ, съ подрѣзанными для предоспорожноспи крыльями, непосредспвенно плелись за ними. Двое шѣлохранишелой держали подѣ уздцы коня, два приспавлены были къ быкамъ, два къ баранамъ, два къ пернашымъ Индѣйцамъ, и два заключали шеспвѣ, имѣя каждый на плечахъ по шелячьему шулуку съ водкою; для себяже я не назначалъ мѣспа, яко коноводець, предоспавя себѣ находишься шамъ, гдѣ надобность поспребуешь моего присущспвія.

Князь Кубашъ не мало подивился шакому щегольскому изобрѣпенію и успройспву. Онъ обнялъ меня, пожелалъ удачнаго пуши, и — мы осправились съ леспными мыслями о ласковомъ пріемѣ, о роскошномъ угощеніи и о богатыхъ подаркахъ, съ чѣмъ уже зараннѣе наперерывъ другъ друга поздравляли.

Когда приблизились мы къ Ларсу на такое разстояніе, что уже мелькало въ глазахъ владѣніе Мирзабеково, по въ воображеніи моемъ возобновилось замысловатое намѣреніе, которое бродило еще въ головѣ моей и въ то время, когда опъ имени швоего по сему же предмету собирался къ Мирзабеку, и попущеніемъ злаго Кукама былъ оспановленъ въ семь намѣреніи. Я опрѣзалъ кинжаломъ доспапочное количесство волосъ опъ конскаго хвоста и гривы, и зрубилъ довольно мѣлко, и завернувъ въ мокрую вешошку, велѣлъ привязать въ такомъ мѣспѣ, которое было для того самое приличное. Довольно долго терпѣливый Кабардинецъ шелъ спокойно по прежнему, не чувствуя шушки, надъ нимъ соспроенной. Когда же мы спали уже подходилъ къ чертогу Мирзабекову и были предъ окнами онаго какъ на ладонкѣ, я оскорбился, видя своего иноходца шагающаго съ ослинымъ смиреніемъ, почему

для вразумленія его , къ кому онъ приближается и опъ чьего имени, я со всей руки огрѣль его нагайкою. Конь вздрогнулъ , махнулъ хвостомъ , укололся , еще махнулъ сильнѣе , и еще сильнѣе укололся. Сіе привело его въ сердце , и онъ всхрапнулъ , — а я , прельсшаясь успѣхомъ своей выдумки , спегонулъ его еще нѣсколько разъ , и видя , что онъ горячится болѣе и болѣе , началъ уже безпрестанно одѣлять по чему ни попало. Конь ржалъ , храпѣлъ , скакалъ впередъ , назадъ , направо и налѣво , лягалъ по лбамъ быковъ , копорые шакъ же осердясь , начали мешаться и шопшась барановъ , а сіи , чувствуя неравный бой , хотѣли предаться бѣгству , но будучи связаны веревками , бѣгали и скакали какъ одурѣлые , шоппали бѣдныхъ пернашыхъ Индѣйцовъ и нещадно ихъ увѣчили. Ржаніе и бѣшенство коня , мычаніе быковъ , суеша и бляніе барановъ , клокошанье израненныхъ пѣшуховъ и куръ , — а

въ добавокъ крикъ и вопль моихъ сопушниковъ, изъ коихъ многіе испытали крѣпость роговъ бычачьихъ и лбовъ бараньихъ, была такая каршина, которую легко предсавишь, а описать по дошпоинству весьма шрудно; если же къ сей общей сумяшицѣ присовокупишь еще съ дюжину сердшихъ псовъ, прибѣжавшихъ къ намъ изъ Княженія, предсавишь, какъ они ужасно лаяли, выли, кидались на людей, на коня, на быковъ и барановъ, — по думаю, что такіа каршины и Кукамъ рѣдко видишь въ своемъ владѣніи. Все кончилось по старинному обыкновенію: конь сорвался съ аркана, бросился, и въ шакомъ порывѣ повергъ нѣсколькихъ проводниковъ на спины барановъ, кои также раздражась въ бараньихъ сердцахъ своихъ, спрясли ихъ на пѣшуховъ и куръ, которые, бывъ слабѣе своихъ гонителей, всякой — какъ казалось — охошы къ опмщенію, рѣшились спрадать или ж

погибнуть съ доспыхвальнымъ шерпнїемъ. Одинъ изъ барановъ, оглушенный быспрымъ поверженїемъ на выю его проводника, бросился въ спорону, сбиль меня съ ногъ, и я — боюсь — послѣдній полетѣлъ на землю.

Съ симъ роковымъ паденїемъ, на первый случай все успокоилось, если спокойствїемъ можно назвашь безмолвное спраданїе. Опомнясь, приподнялся я, сѣлъ и началъ внимательнымъ окомъ осматривашь жалкое состоянїе Посольской свиты. Увы! изъ воиновъ — кто оцупывалъ бока съ болѣзненнымъ видомъ, кто держался за брюхо, кто за ноги. Иной допиралъ руки и ахалъ, другой спаналъ плакалъ, а всѣ единодушно и единогласно проклинали жениха, невѣсту и запѣливаго Посланника. У каждаго изъ барановъ была между рогами шишка, бѣлая шерсть запачкана грязью, изъ пыли, водки и крови составившеюся. О пѣсухахъ и курахъ говоришь нѣчего: они всѣ никуда не

годились; ибо, копорый изъ нихъ и
уцѣлѣлъ опъ бараньихъ полчковъ,
шѣхъ даже собаки обижали; да и
куда годишся съ подрѣзанными
крыльями даже орель, не говоря
уже о пѣшукахъ, какъ бы они опъ
природы удалы ни были.

Г Л А В А 12я.

Пріемъ не по вкусу.

Ну, что будемъ дѣлать шеперь,
почтенный Шамагуль, спросилъ
одинъ изъ шѣлохранишелей, подо-
шедъ ко мнѣ хромая. — Какъ что?
опвѣчалъ съ видомъ неробкимъ: знай,
другъ мой, что унынѣ въ полишикѣ
есъ великое пресшупленѣ. Нѣко-
шорые изъ васъ, опошедши съ бы-
ками и баранами въ сей лѣсокъ,
что на правой споронѣ, опдохни-
ше, а я взявъ двоихъ изъ васъ, пой-
ду къ Мирзабеку, объясню все дѣ-
ло надлежащимъ порядкомъ, и всѣ
возвратимся къ нашему Князю съ

пріяшними вѣспями. Кто же виновашь, что проклятый нашъ Кабардинецъ изъ самаго смиреннаго сдѣлался вдругъ сполько неугомонень? А мудрая полишика никакъ не дозволяла, что бы предсавишь его предъ глаза невѣсны въ прежнемъ его поспномъ видѣ; эшо было бы для нее самое дурное предзнаменованіе, могущее поохладить желаніе ея къ супружеству.

Уговоря всѣхъ слѣдовавъ моему совѣшу, я выбралъ двухъ изъ спутниковъ побойчѣ прочихъ и менѣ изувѣченныхъ, и направилъ шесивіе къ чершогамъ Мирзабека. Какъ скоро вступилъ въ Княжесво, шо и примѣшилъ нѣчто весьма необыкновенное. Всѣ встрѣчавшіеся со мною, муцины и женщины, имѣли видъ самый пасмурный, печальный, и — даже опчаянный. — Первый предметъ, поразившій взоры наши при вступленіи въ пріемную палашу Княжескую, былъ самъ власпелинь, сидѣвшій небрежно на загрязнен-

номъ войлокъ. Волосы на головѣ его были всклокочены, усы небрежно висѣли по губамъ къ подбородку; глаза были унылы и кровавы; онъ вздрагивалъ поминутно, пошъ спруился по черножелтому челу его. Я оцѣпенѣлъ при семъ явленіи и споялъ долго съ разинушымъ ртомъ не говоря ни слова. Вельможи, окружающіе Князя, были въ подобномъ моему положеніи.

Наглядѣвшись на него довольно и ужасаясь многозначительныхъ взоровъ, на меня успремленныхъ, я почелъ, что онъ конечно видѣлъ несчастныя происшествія, во время посольства со мною случившіяся, и шѣмъ оскорбляется; почему согнулся въ дугу, приложилъ лѣвую руку къ персямъ, а правую просперши полукругомъ впередъ, вѣщаль: Свѣшлѣйшій владыка Ларса! хопя голова швоя подобна вершинѣ нагорной ели, огнемъ молніи опаленной; хопя одежда швоя не разнишя опъ шкуры дикаго вепря, расперзанной

острыми зубами сердитыхъ псовъ; хощя глаза швои блистающъ какъ глаза адодержишеля Кукама, — однако я, — человекъ правдивый, не спрашусь ничего, и скажу тебѣ слово непрошивное! Ты видѣль, какое удальство оказалъ нашъ Кабардинскій иноходець почти въ виду всего швоего Княжества! видѣль, какъ ржалъ онъ неистово, скакаль, брыкался, и не прежде успокоился, какъ сорвавшись съ аркана и опрокинувъ все его задерживавшее. — Когда ты все это видѣль, то предсавь, что видѣль лицемъ къ лицу моего Свѣплѣйшаго Князя Кубаша, сгарающаго любовнымъ пламенемъ! Изволь видѣшь, что я предстою шеперь предъ шусклыми швоими взорами въ его образъ и предлагаю его именемъ руку, опягченную полупудовымъ песпомъ, швоей дочери, прелестной Княжнѣ Сафирѣ. Неперпѣние его шакъ велико, что онъ и рветъ и мечетъ! Что повелишь сказашь ему, сильный владыка Ларса?

А шо, ошвѣчалъ онъ привсавъ и ушавя на меня спрашныя глаза свои, — а шо скажу тебѣ, пріяшель, что теперъ намѣренъ оппошчивашъ тебя получше, нежели какъ угощаль нѣкогда за присланный въ подарокъ орденъ нагайки! Какъ дерзнулъ ты, незаконный скаредъ, такъ неистово насмѣхашся надо мною въ день люшой моей печали? Да полно — не швоимъ ли злокозненнымъ ухищреніямъ обязанъ я пошерею любезной моей дочери? она была шакъ цѣломудрена, шакъ крошка и послушлива! а нынѣ? вѣрно тебѣ, или кому другому изъ земляковъ швоихъ обязанъ я симъ поруганіемъ! Вѣдайше, незаконники, что мщеніе Мирзабеково неугасимо, да и способы къ шому безчисленны. Возможно ли снести такую обиду? развѣ забылъ беспушный Князь Кубашъ, что я изъ доброй воли опдавалъ ему дочь свою Сафиру? Развѣ не могъ онъ подождать нѣсколько времени, пока я съ по-

добающимъ шоржеспвомъ не соединиль бы ихъ въ храмъ Макука? шакъ нѣшъ! надобно ее похишишь! Кубашъ дерзнулъ нанесши мнѣ шакое оскорбленіе! — сказывай, злодѣй, всю правду добровольно, а не шо, шакъ скажешъ и по неволь! у меня нагайки хошя не орденскія, однако довольно дѣйспвишельны развязашъ языкъ и у нѣмага! Говори скорѣй, какъ удалось вамъ въ прошедшую ночь похишишь Сафиру? куда ее дѣвали? чшо съ нею сдѣлали? все сказывай, не дожидаясь понужденія; шы меня хорошо знаешь!

Я оцѣпенѣлъ опъ шакого опвѣта на мое предложеніе. Глазами недоумѣнными осмашриваль я Князя, вельможъ его и своихъ сопущниковъ. Во взорахъ первыхъ изображалась гроза и буря, во всемъ составѣ послѣднихъ — гореспъ, боязнь, содроганіе. Мирзабекъ, сокучась видѣшь насъ въ семъ безгласіи, ни мало не удовлетворяющемъ желанію его узнашь нѣчшо

о своей дочери, мигнулъ — одинъ изъ вельможъ вылетѣлъ изъ храмины и скоро возвратился съ дюжиною Ларсишовъ, изъ коихъ каждый вооруженъ былъ предлинною нагайкою. Они окружили насъ прелепущихъ, и Князь произнесъ: видишь, мудрейшій Визирь, какъ я успойчивъ въ своемъ словѣ и какъ проворно исполняю свои обѣщанья! послушай еще нѣсколько словъ, и отвѣчай на нихъ истину.

Г Л А В А 13я.

Политическій изворотъ.

Мирзабекъ продолжалъ съ видомъ опытнаго полищика: во всѣхъ ущельяхъ горъ Кавказскихъ, начиная отъ вершины Терека, внизъ по его печенію до необозримыхъ равнинъ Кабардинскихъ, лежатъ чешыре обширныя Княжества: Казбекъ, Ларсъ, Кайшукъ и Кунакъ. Въ настоящее время во всѣхъ ихъ шолько и было молодыхъ на возра-

сшѣ Князей, что Князь Кубашъ и Князь Кайшукъ. — Сей послѣдній, какъ самъ ты болѣе всѣхъ насъ свѣдомъ, пошерялъ владѣніе, и вѣрояшно съ шѣмъ вмѣсшѣ бесполезную жизнь свою. Оспался одинъ Кубашъ! Слушай внимашельнѣе, ибо говоришь буду важныя рѣчи, и вопервыхъ: оспались во всемъ околпкѣ Князь Кубашъ и Княжна Сафира. Онъ влюбленъ, слѣдовашельно неперпѣливъ, безразсуденъ, дерзокъ — это не за долго самъ ты намъ сказывалъ. Сафира цѣломудренна, крошка, послушлива, это я сей часъ говорилъ тебѣ! Но эта крошкая Сафира въ прошедшую ночь пропала безъ вѣспи, — не слѣдуешь ли изъ сего очевидно, что она похищена швоимъ Княземъ? — Что можешь бышь сего яснѣе? спросилъ онъ обращаясь къ своимъ вельможамъ. — Ни самое солнце, опвѣчали они единогласно. — Теперь говори ты, правдивый Шамагуль, продолжалъ Князь, и говори самую истину; иначе я

не прежде перестану посредствомъ сихъ убѣдительныхъ доводовъ (указывая на нагайки) доискиваться правды, пока совершенно не удостоюсь, что ты не въ силахъ уже разжать губы и шевельнуть языкомъ. Такъ говоришь тебѣ Князь Мирзабекъ, и слова его не мимо идущъ, такъ какъ и слова великаго Макука!

Вошь бѣда, да и неминуемая, говорилъ я самъ себѣ. Какъ могъ я ожидать сей напасти? Я не меньше его пораженъ былъ пропажею Княжны Сафиры, и представлялъ все бѣшенство Князя Кубаша, когда о томъ узнаешь, ибо я точно былъ увѣренъ, что онъ и не слыхалъ еще о своемъ несчастіи. Я пришелъ о ней освѣдомиться, а меня принуждающъ дашь о ней свѣдѣніе! О Макукъ! выведи меня изъ сей погибели, и я, въ случаѣ безденежья, что не могу купить швоего мѣднаго изваянія, своими руками слѣплю, какъ съумѣю, изъ гли-

ны, и распишу самыми яркими красками.

Мольбы мои были не щепны, и обѣшы приняшы милоспиво. Мгновенно ощушилъ я водвореніе во внушренности моей силы божественной, разумъ мой озарился свѣтомъ, и сердце наполнилось надеждою избавленія. Я принялъ веселый видъ, ослабился, разгладилъ усы и сказалъ: проспи, Свѣплѣйшій Мирзабекъ, что я по почному повелѣнію моего Князя оставилъ себя на нѣсколько времени въ недоумѣніи, дабы послѣ, открывъ самое существо дѣла, привести въ большую, неожиданную радость! Повели унести сіи нагайки, яко неложные знаки желанія швоего узнашь испину; а какъ я съ чиспымъ, открытымъ сердцемъ хочу и обязанъ объявишь ее, по прикази принеспи сюда кубки съ божественнымъ напишкомъ, да поздравимъ другъ друга со счастливимъ окончаніемъ сегодняшней шревоги! — Ты не худо рассуждаешь, отвѣчалъ Князь,

что заглядывашь въ кубки пріятнѣе, чѣмъ дѣлашь исправный счесть ударамъ на спинахъ вашихъ; и потому я не премину сдѣлашь сію перемѣну, какъ скоро удостовѣрюсь въ шомъ, что ты повѣдашь хочешь. —

Какъ милосерды боги, говорилъ я съ радостнымъ видомъ, перемѣняющіе такъ нечаянно горестъ нашу на радость! Выслушай и суди:

Вчера вечеромъ, Князь Кубашъ сдѣлавшись необыкновенно задумчивъ, вознамѣрился искашь разсѣянія въ кедровой роцѣ, осѣняющей съ высокаго ушеса швое Княжешво. Онъ пригласилъ меня съ собою, и оба во все время прогулки не говорили ни о чемъ, какъ о прелесныхъ Сафиры и о счастіи обладашь ею. Ночь заспигла насъ въ шой дубравѣ. Едва вознамѣрились мы направить обратный путь, какъ нечаянный вопль, попрысшій души наши, ошановилъ насъ, мы бросились въ шу сторону, и — представше наше удивленіе, когда при яркомъ свѣшъ мѣсяца, во

всей полношѣ блискавшаго на лазоревомъ небѣ, увидѣли мы Княжну Сафиру, во всемъ спремленіи бѣгущую, подобно горной сернѣ. прыгая съ камня на камень, со пня на пенъ. Волосы ея были распрепаны, одежда въ великомъ безпорядкѣ, а просшѣе сказаши, она была почти безъ одежды, вѣрояшно оставляя на каждомъ сучкѣ древесномъ по изрядному лоскушу. Не успѣли мы ошѣ удивленія опомнишся, какъ увидѣли рыщущаго по пнямъ за нею ужаснаго волка, съ разинушою пастью. — Князь Кубашъ, какъ всей подсолнечной извѣстно, человекъ чрезмѣрно храбрый, безъ всякаго замѣшательства хватаетъ камень вѣсомъ пудовъ въ семь или восемь, прицѣливаетъ, пускаетъ, попрашиваетъ звѣрю прямо въ лобъ — и шопъ падаетъ бездыханенъ. — Тушъ начались между любовниками объясненія. Княжна повѣдала, что она при закатѣ солнца пошла въ ближнюю рощу разгулять грусть сер-

дечную, что отецъ ея такъ мѣшкаетъ безъ причины въ сосавленіи ея благополучія, соединишь съ возлюбленнымъ Княземъ Кубашемъ. Едва она вступила въ роковую рошу, откуда ни возмись чудовищный волкъ. — Онъ погнался за нею, а она, что было силы, бѣжала отъ него. Въ семь заняшіи провела она половину ночи, и уже рѣшилась, бывъ обезсилена усталостію, остановишься, какъ счастливая судьба направила бѣгъ ея прямо на насъ, и она спасена испинно чудеснымъ образомъ. Что тушь было всѣмъ намъ дѣлать? черепъ мой шрещаль отъ напряженія мозгу: я спарался выдумать полишическое средство, какъ бы провести Княжну въ ея покои такъ, чтобы никто того не примѣшилъ, ибо мнѣ давно извѣстно, да и шебъ не безъ того, какъ люди злорѣчивы. Когда мы были въ самомъ глубокомъ о семь размышленіи и молча глядѣли вверхъ, къ немалому удивленію увидѣли восходящее солнце. Тушь уже

и не возможно было Сафиръ подумать о возвращеніи домой не бывъ непримѣченною. Судьба для любимцевъ своихъ устроитъ все во благое. Мгновенно являешься посреди насъ Князь Кунакъ. Узнавъ наше положеніе, онъ разсмѣялся, и подумавъ нѣсколько минушь (ибо онъ человекъ также неслухъ), сейчасъ догадался, что дѣлать должно. Сынъ! сказалъ онъ: Сафира давно, по обѣщанію отца ея, принадлежишь тебѣ, а только причудливый Мирзабекъ для пустыхъ отговорокъ до сихъ поръ медлилъ взаимнымъ вашимъ благополучіемъ. Отведи Сафиру въ свои чертоги и поручи подѣ наблюденіе швоей матери, а между тѣмъ снаряди доспѣшное посольство къ почтенному другу моему и свашу съ пребываніемъ для тебя руки его дочери. Однако не мѣшай нѣсколько его и помучишь! за что прежде онъ васъ мучилъ?

Теперь, Свѣтлѣйшій Князь, продолжалъ я, видишь ли истину

безъ всякой излишней прикрасы, а во мнѣ Чрезвычайнаго Посла опъ моего власпелина. Проси — или лучше — причпи вельнiю судьбы несчастiе, что проклятый нашъ иноходець прежде времени и сверхъ мѣры взбеленился; а шобы шы получилъ шеперь подарки, шебя и насъ доспойные!

Я замолчалъ. Князь пребылъ нѣсколькo времени въ недоумѣнiи, пошомъ обрашясь ко мнѣ съ видомъ величавымъ, спросиль: и шакъ дочъ моя своею жизнiю обязана храброспи швоего Князя? — Скажи лучше — самага Макука, пославшаго насъ къ ней на помощь! — Хорошо! поспѣшимъ же къ ней, и обрадуемъ благовременнымъ согласiемъ нашимъ на ея счаспiе. Я право и не думалъ, что она шакаго нешерпѣливаго сложенiя.

Г Л А В А 14я.

В ы в е р н у л с я.

Мирзабекъ повелѣлъ — и предмешы пошчасъ измѣнились. Нагайки исчезли, а на мѣсто ихъ принесены: большая жаровня, свѣжіе полбарана, вершелы и кувшины. По минованіи бури, ясная небесная болѣе плѣнительна, чѣмъ казалась до наступленія оной. — Благодаря во глубинѣ сердца Макука, вразумившаго меня шакъ кшапи, я принялся со спутниками своими пользоваться предложенными дарами, и когда невидимый голосъ, внутри насъ раздающійся, громко произнесъ: будешь! мы вспали, и начали собираться въ обратный путь.

Мирзабекъ произнесъ ко мнѣ: Иди, и объяви своему Князю, что родительское благословеніе мое на немъ почиетъ, и что сего же дня наречемъ его — я сыномъ моимъ, а Сафира — супругомъ. Приданое у меня давно готово, равно какъ

и подарки для свапа и вельможъ Двора его. Скажи, чшобъ въ храмъ боговъ возжены были яркіе свѣшильники и жрецы въ торжественномъ облаченіи ожидали моего прибышїя; а я съ своей спороны не замедлю: споишь полько одежды горесши перемънишь на одежды веселїя. Ступай съ миромъ и исполни мое повелѣніе.

Подобно дикому вепрю, копорый прорвавъ охощничи сѣши, спѣшишь далѣе въ лѣсъ не озираясь, наконецъ, чувствуюя себя въ совершенной безопасности, останавливается, съ яростию скрежещешъ зубами, и изъ горшани почипъ пѣну клубомъ, — я, Визирь Шамагуль, извлекшись изъ чершого Мирзабекова, гдѣ спинъ его угрожали гибельными ударами, быспробъжалъ по камнямъ и по комьямъ спекшейся глины, и не прежде оглянулся, какъ спавъ ногою въ предѣлахъ своего Княжеспва. Тупъ остановился я, перевелъ дыханіе, принесъ мольбу Макуку, и — за-

думался, не зная, что долженъ вперёдъ дѣлать! Что ни скажу Князю Кубашу, — говорилъ я самъ себѣ, — а черезъ нѣсколько часовъ все выдешъ наружу, и я неопмѣнно долженъ буду ожидать совокупнаго испязанія, а можешъ бышь и самой погибели отъ раздраженныхъ повелишелей Ларса, Кайпука и Кунака. Могули извинишься предъ ними, что мудрая полишика въ случаѣ важномъ не шолько не запрещаешъ выдумывашъ несбыточную ложь, но напрошивъ того называешъ ее оспрымъ замысломъ, и явно смѣшся надъ проспаками, кои по глупости тому повѣрили.

Обдумавъ наспоющее свое положеніе съ должнымъ уваженіемъ, и какъ слѣдуешъ разсудивъ о возможномъ и удобномъ, я уразумѣлъ, что появляшся къ Князю Кубашу значило лѣзшь самовольно въ корти ужаснаго Кукама. Посему, по дозвавъ къ себѣ обоихъ сопушниковъ, велѣлъ имъ искашь поварищей своихъ въ извѣспномъ перелѣ-

скѣ, дозволилъ опорожнить оставшея въ шулукѣ количество крѣпительной влаги, и ожидаешь опъ меня повѣспки, когда должны явиться къ своему Князю.

Оставшись на свободѣ, я осмопрѣлъ себя съ ногъ до головы. Представляя великое лице Посла Княжескаго, я былъ убранъ въ лучшее плашье, и вооруженъ шакъ, что ни въ день кровопролитнаго сраженія не могъ бытъ исправнѣе. Хошя при мнѣ не было ни одного юзлука, но я мало о томъ и забошлся, полагая, что разумный человекъ вездѣ, въ какихъ бы дикихъ спранахъ ни появился, найдешъ госпепрѣимство; да и какое сердце, бьющееся въ груди человеческой, не смягчнтся, не распахетъ при ощущеніи спранданій мудраго сего человека? — О драгоценный даръ благодѣшельнаго Макука, воскликнулъ я съ воспоротомъ, о мудрость и единородная дщерь швоя полишика! на васъ надѣясь, не опчаяваюсь бытъ когда-либо счастливымъ!

Проговоря слова сіи, я обратился къ спранѣ, гдѣ лежала аспидная пещера Макукова, преклонилъ колѣна, воздѣлъ вверхъ руки, пролилъ нѣсколько слезъ въ дань памяти предковъ своихъ, вспалъ, и пошелъ по хребтамъ горъ, направляя пушь къ Западу.

Во время спранствія до самаго Моздока, со мною не случилось ничего чрезвычайнаго, чшобъ спшло бышь упомянуто послѣ чудныхъ происшествій съ побою, Свѣплѣйшій Князь, случившихся. Хотя и я въ пушешествіи своемъ не рѣдко терпѣлъ голодъ, но мнѣ — конечно пошому, что рожденъ подданнымъ, а не повелишелемъ, — и въ голову не входила высокопарная мысль, испинно дошойная величайшаго полишика въ свѣшѣ, спрѣляшь яспребовъ, жарить и ими пишать свою ушробу. Нѣшъ! я копалъ горный хрѣнь, рвалъ кедровые и чинаровые орѣхи, дикій горохъ и шому подобное. Хотя и моя одежда сдѣлалась по

времени рубищемъ, но — конечно побою искусившіеся Кабардинцы, — не вздумали признашь меня за боговдохновеннаго Саншона, а пѣмъ менѣе пошчивашъ цыплятами, виномъ и красавицами; припомъ же я, идучи дорогою, не дѣлалъ ни размашекъ руками, ни необыкновенныхъ скачковъ, а пошому — какъ и слѣдовало, признань былъ за прошаго нищаго, накормленъ хлѣбомъ и напоенъ водою, но за шо не подвергался опасности быть расперзаннымъ чешырьмя дикими конями, что съ побою, храбрый вишязъ, непременно бы послѣдовало, еслибы жалоспливая, благодарная Халида не спасла драгоцѣнной для насъ швоей особы. — Прибывши въ Моздокъ, я осшановилъсь въ гощианицѣ Жида Еліаса, гдѣ къ несказанной радости увидѣлся съ мужешпеннымъ Сардаромъ Бекшемиромъ.

Г Л А В А 15я.

Умныя распоряженія.

Мы обнялись, какъ испинные друзья, и усы наши оросились слезами умиленія. Когда первые восторги прошли, то мы обратились къ дѣламъ существеннымъ и узнали, что были бѣднѣе и голоднѣе горнаго волка въ зимнюю пору. Видя, какъ собесѣдники наши управлялись съ пилавомъ и вареною бараниной, принялись и мы уплачивать долги голоду и жаждѣ. Намъ опсвѣдены уюшный чуланъ, гдѣ разлегшись на мягкихъ войлокахъ, начали вести самыя полищичныя рѣчи о своей участи; а какъ мы имѣли причину догадываться, что ты, оставя свои горы, по нашему осужденъ искашь на чужой споронѣ счастья, то и надѣялись вѣспрѣшиться съ тобою въ Моздокъ, или въ другомъ городѣ по дорогѣ къ столицѣ Самсудиновой.

Въ слѣдствіе сего, съ восходомъ солнца начали мы осмапри-

вашь улицы и базары (*) Моздокскіе, посѣщили главную мечеть, другую Ташарскую госпинницу, но нигдѣ не находя себя, заключили, что ты пробрался уже далѣе.

Жидъ Еліасъ угощаль насъ два дня весьма доброхошно. Въ шрепій день былъ праздникъ, и расчешливый хозяинъ созваль на пошѣху госпямъ нѣсколько плясуновъ изъ Турковъ и Армянъ. Когда всѣ, смотря на ихъ коверканья и слушающа пѣсни, сдѣлались весьма веселы, то Еліасъ началъ обходить собесѣдниковъ, изъ коихъ каждый кидаль въ шапку его по нѣскольку денегъ. — Сердце сначала сильно забилося въ груди моей, когда онъ подошелъ ко мнѣ, подспавиль шапку и низко поклонился.

Мгновенно умъ мой наполнился свѣта разумнїя, я взвелъ на него глаза, прошынулъ правую руку и сказалъ: о православный Жидъ Еліасъ! по видимому ты и ошъ насъ

(*) Рынки.

хочешь денегъ, а того не догадаешься, что я и мой поварищъ со всѣмъ необыкновенные люди. Я, было бы тебѣ вѣдомо — величайшій изъ полишиковъ, а сей храбрѣйшій изъ всѣхъ богатырей на свѣтѣ. — Слыханное ли дѣло, чшобъ шакіе люди имѣли нужду въ деньгахъ, подобно глупцамъ и шрусамъ. Но какъ ты въ печеніе двухъ прошедшихъ дней былъ къ намъ ласковъ и гостепріимень, по справедливостъ пребуешь, чшобъ и мы подѣлились съ побою своими избытками. И шакъ будь готовъ! Я сообщу тебѣ нѣсколько важнѣйшихъ правилъ изъ божешвенной науки полишики, а другъ мой покажетъ нѣсколько отличнѣйшихъ приемовъ въ борьбѣ и кулачныхъ бояхъ, и увѣряю, что ты въ самое корошкое время сдѣлаешься преполишичнымъ и прехрабымъ Жидомъ во всей обширной области Ашраханской! Слушай же внимательнѣе! Полишика есть наука —

До сихъ поръ Жидъ Еліасъ, подобно кумиру Кукама, былъ неподвиженъ; шеперь началъ онъ вдругъ измѣняясь въ лицѣ, глазки его засверкали, пейсы задвигались, брови и уши какъ кармазинъ покраснѣли.

Какъ, богохульникъ! вскричалъ онъ, оправляя свой еломокъ; шы вздоромъ хочешь обаяшь меня? Сейчасъ плашите мнѣ оба по пяши юзлуковъ за мое угощеніе, иначе —

Кажешся, опвѣчалъ я равнодушно, шы не съ должнымъ вниманіемъ меня выслушалъ. Не ясно ли тебѣ сказано, что полишики и герои денегъ при себѣ не носятъ, такъ чегожь тебѣ хочешся? Слушай лучше мое наставленіе! Полишика ешь наука —

Провались шы и съ нею на дно преисподней — возгремѣлъ Жидъ; подавайше сей часъ деньги! иначе —

Опять шаки иначе, сказала я качая головою: говоряшь ли тебѣ, что полишика ешь наука. —

О пребеззаконникъ, о злодѣй!
 вопіялъ Жидъ, схвативъ себя объ-
 ми руками за пейсы: вижу, чшо ты
 или злоумышленный шупъ, или
 съумасшедшій! — Такія невѣжли-
 выя рѣчи, какихъ я и опъ шебя,
 Свѣплѣйшій Князь, никогда не слы-
 хиваль, привели меня въ гнѣвъ и
 подвигли къ мщению. Тщешно му-
 жеспвенный Бекшемиръ шепталъ
 мнѣ, прося успокоиться. Мы при-
 нялись съ Жидомъ рашовашъ, и я —
 выхвашиа изъ - за пояса орденскую
 нагайку, началъ хлесташъ по ушамъ
 Еврея, приговаривая: Полишика
 ешъ наука, подающая вѣрныя пра-
 вила благоразумія и вѣжливости! —
 Жидъ вырвался и съ воплемъ
 побѣжалъ изъ комнашы, а я съ
 улыбкою сѣлъ на лавку и началъ
 скручивашъ усы въ кольца.
 Храбрый Бекшемиръ, вознамѣрясь
 навоспришь лыжи, взялъ меня за
 рукавъ и шянулъ вонъ, но злобные
 Ташары не пустили, уговаривая
 насъ смирно дожидашъся возвра-
 щенія хозяина, кошорый и не за-

медаль прибыль вмѣстѣ съ Эсауломъ Мурзы Габидула, и не смогъ на всѣ наши доводы, швой Великій Визирь и добльспвенный Сардаръ заключены въ городскую шемницу, и втрно бы не вышли опшуда съ цѣлыми подошвами, еслибы провидящій Макукъ не управиль шуда шпопы швой.

Визирь Шамагуль хотѣль-было вишійспвовашь о своей благодарности, но я, возхищенный извѣспіемъ о Сафирѣ, вскричалъ съ радоспнымъ воспоргомъ: Оспановись, вѣрный другъ мой! Чшо бы шы ни сказаль шеперь для меня радоспнаго, ничшо шолько не пронешь моего спраспнаго сердца, какъ свѣдѣніе, чшо обожаемая Княжна не доспалась гнусному Князю Кубашу. Пусть она ушопилась въ Терекъ, пусть обрушилась въ бездонную пропасть, пусть въ самомъ дѣлѣ съѣдена волками или медвѣдями, всякую смерть ея, самую ужаснѣйшую, снесу я съ чувспвомъ, похожимъ на блаженспво, прошиву шо-

го, какое перзало бы меня при убій-
 ственныхъ мысляхъ: Сафира жива,
 Сафира цвѣпешъ здоровьемъ юно-
 спи, блискаетъ красою неизьясни-
 мою, и — она разделяетъ воспор-
 ги другаго, хотя бы то былъ Ма-
 кукъ державный! — Довольно, вѣр-
 ный мой Визирь! не мѣшай мнѣ
 всѣ мысли души, всѣ ощущенія
 сердца занявъ воспоминаніемъ о
 незабвенной Княжнѣ моей! Такъ, я
 не просто, но по нѣкому вдохнове-
 нію назвалъ ее моею! Клянусь всѣмъ
 Макукомъ совокупно и каждымъ
 членомъ его порознь, что рано или
 поздно я буду имѣть право назвать
 ее сперва Княжною, а потомъ
 моею!

Среди дружескихъ совѣщаній,
 копорья обыкновенно бывають ус-
 пѣшнѣе, когда житейскія нужды
 насъ не озабочивають и не навя-
 зываютъ тяжелыхъ гирь на крылья
 нашего разума, — провели мы цѣ-
 лый день, почти столь же пріятно,
 какъ бывало проводили дни въ
 чершогѣ моего Совѣта. Хотя не

много времени, проведеннаго мною въ искушеніяхъ разнаго рода, гораздо поубавило во мнѣ высокомерія и самонадѣянности, однако при всемъ томъ, слыша опъ друзей своихъ обращаема ко мнѣ слова: Свѣтлѣйшій Князь! Высокій властитель! не могъ удерживать невольныхъ вздоховъ, изъ груди моей вылепавшихъ. Мнѣ сей часъ бросалось на мысль прежнее мое могущество и настоящее ничтожество! — Вѣрные друзья мои! сказалъ я имъ съ видомъ рѣшительности: если и вы также чувствительны при воспоминаніи пропекшихъ непріятностей въ нашей жизни, то съ сего самаго часа да исчезнутъ между нами слова: Князь, Визирь, Сардарь! Они кажутся мнѣ хотя прелестными, но только не ко времени, и болѣе способны раздражать сердца наши, чѣмъ оныя успокаивать. Да не услышимъ ихъ между собою болѣе, пока не возсяду я на возвышенныхъ козлахъ своихъ и не увижу одного изъ васъ по

правую, а другаго по лѣвую сторону. Опнынъ мы спранспвующіе друзья Кайшукъ, Шамагуль, Бектемиръ, — какъ между собою, шакъ и для всякаго поспоронняго. Да и что значить комъ посеребренной грязи? Что значить шипла безъ власши и могущества? Одинъ пустой звукъ, изъ подъ гробовой доски выходящій; кто уважить его, кромъ безумнаго?

Расположась на шакой дружеской ногъ, мы провели мирно въ гробницѣ своей нѣсколько дней, въ кошорые заняты были снабженіемъ себя пристойнымъ убранствомъ и вооруженіемъ, опъ какъ выхъ расходовъ мошна моя примѣшно обезсилѣла и наше братство поглядывало на нее съ чувствомъ родительскаго прискорбія при болѣзни любимаго дитяши. Друзья! сказала я задумавшимся сопутникамъ, вижу раждающеся уныніе на вашихъ лицахъ и постигаю шому причину. Какъ разумные люди, мы должны предва-

ришельно помыслишь о способахъ, какъ содержать себя честно и согласно съ нашимъ званіемъ до шѣхъ поръ, пока кладовая палата Самсуддинова для насъ не откроется. Возьмите меня въ примѣръ! Кто можетъ изъ васъ сказать: я потерялъ больше Кайшука! Кто теперь скажетъ: въ перенесеніи спраданій я великодушнѣе Кайшука? Не унижая васъ, друзья мои, скажу, что я достоинъ быть для васъ примѣромъ! Будьте терпѣливы и не забывайте словъ одного мудреца, который сказалъ: всѣ бѣдствія міра сего ничего не значатъ. Если онѣ чрезвычайно ощушительны, то проходятъ весьма скоро, ибо составъ шѣла человѣческаго не перенесетъ продолжительности сильныхъ спраданій; а если они слабы, то ихъ, ошолчасъ благо-разуміемъ, весьма не трудно переносить можно. — Положимъ на примѣръ — и это въ прочемъ весьма легко случиться можетъ — что казна наша совершенно опус-

шѣла; о чемъ шужить еще? — Чшо
 человекъ одинъ разъ могъ сдѣлать,
 шо вѣрояшно можеть сдѣлать и
 въ другой, и мы оняшь будемъ съ
 юзлуками. Не шы ли, просвѣщен-
 ный Шамагуль, рассказываль мнѣ
 объ одномъ Индйскомъ Факирѣ,
 который живя на берегу моря ров-
 но придцашъ лѣшъ, ѣлъ песокъ мор-
 ской и пилъ морскую соленую во-
 ду? — Видите, чшо можно сдѣлать
 съ непоколебимымъ шерпѣниемъ? И
 такъ, принеся благодаршвенное
 моленіе державному Макуку, досель
 удостоивавшему насъ своего покрови-
 шельства, съ началомъ будущаго
 дня пущимся по дорогѣ къ Кизляру.
 Сосшавимъ изъ себя — вмѣсто
 прежняго ордена Кавалеровъ На-
 гайки — другой орденъ, подѣ
 именемъ Брашьева шерпѣнія! При-
 родныхъ и искусшвенныхъ даро-
 ваній у насъ бездна. Въ случаѣ
 откывшейся возможности, мы бу-
 демъ просвѣщашъ необразованныхъ
 Ташаръ въ шакихъ наукахъ, о ко-
 ихъ они имѣють самое ограничен-

ное понятіе , а особенно въ божественной наукѣ , называемой полишикою. Повѣрьте , что одно уже это средство удобно прославитъ насъ во всей подсолнечной , а особливо между Ташарами. Вить не всѣ же такіе упрямые невѣжи , каковъ оказался Жидъ Еліась.

Въ слѣдствіе такового разумнаго положенія на другой день рано поутру оставили мы обшалисьше мертвыхъ , столько времени служившее намъ надежнымъ приспанищемъ , и пошли въ Моздокъ , чпобы запасись шамъ необходимо нужнымъ на дорогу.

Г Л А В А 16я.

Способы жизни.

Въ Моздокъ не замѣшилъ я ничего необыкновеннаго; а что идешь своимъ порядкомъ , о томъ не стоишь шруда и говорить , а особливо для полишика. — До самаго

Кизляра дѣла наши шекли весьма сносно, и мы опять начали уже пошучивать на счетъ Чернаго Го- да. Идучи вдоль береговъ Терека, мы время опъ времени находили небольшіе улусы (*) Ташарскіе, гдѣ вспрѣчаемы были гостепрїим- ствомъ и провожаемы соучаспїемъ. Хотя Ташары показались мнѣ не великими охотниками до высокой полишки, однако сужденія наши о сей наукѣ слушали съ видомъ довѣренности, улыбались, находя въ рѣчахъ нашихъ непоняшницу, и приписывали по своему невѣжест- ву, по примѣру всѣхъ добродушныхъ народовъ; за то — попадавшіеся кое- гдѣ торгующіе Жидаы и Армяне бы- ли сполько дерзки, что съ явнымъ презрѣніемъ говорили намъ въ гла- за: можель ли въ ущельяхъ Кав- казаскихъ что добро быши? Одна- ко шакое злорѣчіе не шолько не приводило насъ въ уныніе, но еще болѣе поощряло къ выказанію сво-

---

(*) Селенія.

ихъ способностей. Мы задирали всякаго встрѣчавшагося, осмѣивали его съ ногъ до головы, дѣлали предсказанія, и безмѣрно утѣшались успѣхами своими въ полишикѣ.

Когда издали увидѣли мы спѣны Кизлярскія, я останоуилъ своихъ соупушниковъ и сказала: Друзья! разсуждая о многихъ достопамятныхъ предмедахъ, мы не замѣтили, что чувство удивленія чему бы то ни было, недостойно истиннаго полишика. Не скрою опъ васъ, что при вспусленіи въ Моздокъ я обьялъ былъ нѣкошорымъ пораженіемъ при видѣ огромности зданій, драгоценности одеждъ и рѣдкости издѣлій; а особливо взоры мои останоуились на непоспужимомъ испуспѣ въ выдѣлкѣ бурокъ и мѣдныхъ гредушекъ. Истинно божеспвенныя испуспва! Тамъ же, когда опѣдалъ я фрукшовой водки — праведный Макукъ! какой вкусъ, какой запахъ! между нами сказано, — если Макукъ утѣшается въ гор-

немъ селеніи нашею просяною водою, по и послѣдній Ташаринъ не позавидуешъ ему въ семь блаженствѣ. Изъ сего заключилъ я, что удивляться, значить показывать себя невѣждою! И такъ посшавимъ за непремѣнное правило оказывать возможное равнодушіе во всѣхъ случаяхъ, какъ бы ни казались они чрезвычайными; изъ сего всякой заключить, что мы не какіе нибудь обыкновенные путешественники - зѣваки, но люди мудрые, истинные полипики. Такимъ образомъ справедливая слава прежде насъ достигнешъ до стѣнъ Аспраханскихъ и предуготовишь въ пользу нашу мысли Самсуддиновы.

Оградясь такимъ благоразумнымъ намѣреніемъ, вступили мы въ вороша Кизлярскія. Прошедъ улицы при, мы очутились на круглой площадкѣ, въ углу которой нашли уличную печь (*); а по-

---

(*) Во многихъ городахъ Азіатскихъ спавшаяся по улицамъ или подвижныя или по-

тому разсѣвшись подлѣ нея на землѣ, приказали изжарить часть баранины, а между шѣмъ принялись развеселять воображеніе напишкомъ, не задолго предъ шѣмъ мною выхваленнымъ. Мы были въ занятіи семъ довольно прудолобивы, и не скоро замѣтили, что у споявшей прошивъ насъ мечети началъ спекаться народъ обоого пола въ великомъ множествѣ, и всѣхъ глаза обращены были на верхъ мечепней башни. Хотя мы и швердо рѣшились ни чему не удивляться, однако ешь въ людяхъ какое-то странное побужденіе, заставляющее ихъ хотя взглянуть на то, на что глядяшь уже двое другихъ, хотя бы предметъ былъ самой ничтожный; а пошому и мы, забывшись, также подняли головы, и не сводя глазъ глядѣли — на верхъ башни. Наконецъ, по прошествіи довольнонаго

стоянныя печи, въ коихъ пекушь хлѣбъ, жаряшь разныя мяса и ш. и.

времени, изъ середины той башни показался на верхней площадкѣ дородный мужчина среднихъ лѣтъ. Онъ выпрямился, прокашлялся, поднялъ объ руки выше головы, и надувшись, сколько было въ немъ силы, заревѣлъ унывнымъ напѣвомъ: Алла, Илла, Илла Алла!

И подлинно трудно было бы найши подобнаго горлана. Онъ прокричалъ со всѣхъ чешырехъ концовъ башни объявленныя слова, и спустился по внутренней лѣспницы внизъ. Народъ, хранившій дошоль глубокое молчаніе, поднялъ радостный вопль и поздравленія кричавшему. Шамагуль не удержалъ, а особливо подвижимый вдохновеніемъ ошъ силы Кизлярскаго напѣвка, подоиши къ мяшущейся полпѣ народной. Чему вышакъ обрадовались? спросилъ онъ у Ташарина, богаче прочихъ одѣшаго. — Какъ? ошвѣчалъ сей: по эшому шы глухъ, что не слыхалъ громopodobнаго реву сего будущаго придворнаго провозгласника? Жаль; а иначе и

шы вмѣстѣ съ нами принесъ бы въ
 честь ему должную дань удивле-
 нія! — Удивленія? воскликнулъ Ша-
 магуль избоченясь и съ улыбкою
 лукавства. А чему бы, на примѣръ,
 долженъ былъ удивляться полистикъ?
 Такъ громко можешь проревѣшь и
 буйволь, хошя онъ, какъ всѣмъ из-
 вѣстно, довольно глупое живош-
 ное. — Не хули шѣхъ посшупковъ,
 сказалъ съ видомъ увѣщанія горланъ,
 коихъ шы не перещеголяешь. Про-
 ревѣшь нѣсколько словъ не перево-
 дя духа и въ Христіанскихъ хра-
 махъ почишаешся не малымъ дос-
 шоинствомъ! — А если я прореву
 громче? спросилъ полистикъ. — Не
 лзя спашься! ошвѣчалъ человекъ
 въ богашомъ плашьѣ: можно ли
 шолько это сдѣлать? Пользай на
 башню и реви, а мы гошовы слу-
 шашь; и если окажешся, что шы
 говоришь правду, шо счасшіе швое
 безмѣрно, и вѣроятно великій про-
 рокъ самъ управилъ сюда шопы
 швои для своей и швоей славы!

Г Л А В А 17я.

П о п ы т к а.

Я покушался было представить Шамагулу опчаспи непристойность, а опчаспи и опасность опъ шаковаго поступка, который самъ по себѣ не великую доставить честь шакому человѣку, который рѣшился умомъ своимъ приобръщать дары счастія; но онъ двумя доводами уничтожилъ мое сомнѣніе. — Напрасно шакъ изволишь думать, сказалъ онъ мнѣ тихо: звучность моего голоса во всей силѣ ея узналъ я впервые, вопія подѣ нагайками Мирзабека, когда предлагалъ ему орденъ; а что касается до непристойности, по здравая полишика ни въ чемъ ее не находишь, гдѣ полько можешь быть польза, а особливо людямъ въ нашемъ соспоянніи, спеняющимъ подѣ ударами судьбы жестокой. Слушай — и суди!

Съ сими словами взошелъ онъ въ башню бодрыми стопами; а мужественный Бектемиръ, подошедъ ко мнѣ ближе, сказалъ на ухо: не лучше ли намъ, не дожидаясь удачи, или неудачи Шамагуловой, навостришь подалѣе лыжи? Я не думаю, чтобы полишика выгородила его изъ хлопотъ въ случаѣ, если онъ при первомъ открытіи рта осипнетъ! — Я хотѣлъ было что-то сказать въ ободреніе воеводы; но Шамагулъ стоялъ уже на вершинѣ башни. По примѣру предшественника своего, онъ глаза и руки обратилъ къ небу, надулся, и шакъ заревѣлъ: Алла, о Алла! что народъ ахнулъ, а мы съ Сардаромъ присѣли отъ испуга. Преній крикунъ удовольствовався проревѣвъ возгласъ свой только чешыре раза и умолкъ, а нашъ вишія проревѣлъ разъ десять, да и шѣмъ еще доволенъ не былъ. Онъ, — кажется, по окончаніи каждаго завыванія, вмѣсто ослабленія, получалъ двойную силу къ начатию но-

ваго, и не прежде удовольствовался, какъ услыша шумъ въ народѣ и совмѣстный вопль: будешь, будешь! Тогда Шамагуль сошелъ на землю, едва переводя дыханіе, и началъ принимашь дань удивленія опъ предстоящихъ. Кизлярскій Мурза — онъ — шо и былъ человекъ, богаче всѣхъ одѣшый, — подошедь къ Шамагулу съ почщеніемъ, произнесъ: Великій мужъ! охотно признаюсь, что громогласнѣе тебя не прокричишь и самый слонъ, хошя онъ, судя по полщинѣ, долженъ имѣшь весьма не узкое горло! Опнынь до окончанія швоего искуса будешь ты имѣшь въ Кизлярѣ особый домъ и все содержаніе придворное. Но какъ и ты вѣрояшно также смершенъ, слѣдовательно можешь упранишь звучность швоего голоса, шо прозорливость шребуешь дашь тебѣ помощника, и въ сію должность назначаю я тебѣ Аншяма, кричавшаго прежде тебя на башнѣ; а сихъ двухъ сошоварищей швоихъ можешь

шы пригласишь къ себѣ для разогнанія скуки, кошора по непривычкѣ къ новому соспоянiю будетъ конечно ощушительна. Слѣдуйте за мною!

Не опшвѣчая ни слова сему доброхошному господину, мы всѣ вмѣстѣ опправились, и въ скоромъ времени онъ ввелъ насъ въ чисненъкой камышевой домикъ, обмазанный изнупри и снаружи красною глиною; земляной полъ ушланъ былъ войлоками. Когда мы усѣлись, то сопровождавшiе насъ доброхошы поставили на полу нѣсколько корзинъ съ хлѣбомъ, варенымъ мясомъ и зеленью, къ чему присовокупили нѣсколько кувшиновъ, и сказавъ: Пособите доброму Аншяму насышитесь хорошенъко, чшобы онъ чѣмъ нибудь ушѣшился въ первеншвѣ провозгласишельства, — удалились.

Какъ мы и безъ того поѣли съ добрымъ успѣхомъ и чувствовали болъе жажды, чѣмъ аншеша, то и бросились прежде всего къ кув-

шинамъ, однако всѣ шрое опияли
 оныя опъ губъ, какъ будто почув-
 ствовавъ нѣчто ядовитое. — Что
 это такое? — просная вода! — и
 у меня также! — и у меня! —
 Дѣльно, вскричалъ Шамагуль; шакъ
 ли надобно издѣваться надъ моею
 горшанью, кошорая опъ ревѣнья
 довольно поперѣла. — Но что же
 нашъ сошоварищъ сидишь повѣся
 голову и ни до чего не допрогивает-
 ся? — Пошому, что я ничего не вижу,
 опшвѣчалъ онъ уныло, и жду, пока жа-
 лоспливые люди чего нибудь не пода-
 душь мнѣ. Нѣсколько лѣшь, какъ я
 ослѣпъ, и никуда не гошусь, какъ
 шолько въ провозгласники; счаспѣ
 и подвезло было: меня уже похва-
 лили, избрали въ сѣю доходную
 должностъ, какъ вдругъ сашана при-
 носишь сюда другаго, кошорый пере-
 биваетъ у меня дорогу! — Ушѣшься,
 сказалъ весело Шамагуль, счишай
 меня добрымъ, швоимъ началь-
 никомъ, и чшобъ шо яснѣе дока-
 зашь тебѣ, шо изволь кушашъ: вошъ
 тебѣ цѣлый хлѣбъ, вошъ частъ

жирной баранины, и вопшь кувшинъ съ самою вкусною на свѣшъ водою!

Когда Шамагуль такъ роскошно угощаль будущаго своего помощника, то вдохновеніе свыше меня проникло. Я вздрогнулъ, обдумалъ весь ходъ происшествій, и опозвавъ въ уголь своихъ поварищей, сказала: Друзья поварищи! клянусь всѣмъ, чѣмъ хопише, что сегоднешнее происшествіе есть новая кознь злаго Кукама, позавидовавшаго нашему спокойствію, и мы не въ опасности. — Ахъ, Шамагуль! едвали пы не наревѣль намъ новое горе, и едвали здѣсь не почли уже себя боговдохновеннымъ Санпономъ за твои неисповыя завыванія, какъ нѣкогда почли меня въ Кабардѣ за неисповыя клики и размашки. Припомни, какимъ опасностямъ тогда я предавался, и какого пруда стоило мнѣ ускользнуть отъ бѣдъ, угрожавшихъ мнѣ ужасною гибелью? Здѣсь насъ также принимаютъ, дають ѣсть и пить, а можешь

бышь дадутъ и дальнѣйшіе гостинцы! Всякой городъ имѣетъ свой норовъ! О Шамагуль! Кукамъ соблазнилъ себя лѣзшь на башню и ревѣшь такъ не полудски!

Г Л А В А 18я.

Провозгласникъ.

Вишь надъ нами нѣтъ никакой стражи, сказалъ Бекшемиръ съ опвагою, шакъ для чего медлимъ въ сей хижинѣ и сами вдаемъ въ опасность? Я хошѣлъ замѣшпшь тебѣ, Шамагуль, что если полишика швоя запрещаешь чему - либо удивляешься, шо, думаю, не принуждаешь и другихъ удивляешь, и это-шо составляешь мою полишику. Какой могъ шы ожидать пользы, удивя глупый народъ шѣмъ, что перекричалъ другаго, произнося слова, коихъ и самъ не разумѣешь? Хотя я не предвижу еще неизбѣжнаго, однако и добра шакже.

Не всего ли лучше, оставя въ неизвѣспности и вредъ и пользу, пустишься намъ дальше, ни мало здѣсь не мѣшкающая?

Никакъ! отвѣчала Шамагуль: вопервыхъ, мы ни одного слова не слышали о Саншонѣ, и меня не цѣловали даже въ щеки, въ губы, или руки, не только куда ни попало, какъ нѣкогда Князя Кайшука; вторыхъ, бѣгаешь отъ опасностей, гдѣ ихъ нѣтъ, значишь самому за ними гоняшься, а это очень глупо. Не уже ли ты не замѣтилъ, когда будешь идти мимо собаки самой сердитой шихо, она тебя пропустишь; попробуй побѣжаешь отъ самой смирной, непременно она за тобою погонится. Такъ-то поступай и съ напастьями, и это будешь самое полезное дѣло! Какъ изволишь рассуждать о семъ храбрый Князь Кайшукъ?

И я пѣхъ мыслей, былъ мой отвѣтъ, что надобно прежде сколько нибудь освѣдомиться о дѣлѣ,

пока его назовешь опаснымъ, или нѣтъ. А пошому думаю: не спросишь ли намъ, Шамагуль, у швоего помощника, что значить сегодншнее народное дѣйствіе, и въ чемъ состоишь предназначаемая при дворѣ должность, ибо искавшій ее Аншямъ долженъ обо всемъ знать обстоятельно. Когда и за симъ дознаемъ, что должность придворнаго горлана заключаешь въ себѣ излишнюю опасность, то плюнемъ на нее равнодушно; если же соединена съ нею нѣкоторая польза и пріятность, чего я и ожидаю, то замѣщеніе оной было бы намъ весьма кспати. Не всѣ ли надежды наши основаны на великодушїи и помощи могущественнаго и щедрого Самсудина?

Сопушники мои охотно одобрили сіе замѣчаніе, и по нѣкоторымъ условїи, а именно: чшобы только мнѣ и Бекшемиру разсуждать съ Аншямомъ, дабы любопытство Шамагулово не родило въ немъ нѣкотораго подозрѣнїя, мы

оставили Визиря поодаль, а сами подошедъ къ Ташарину, просили его повѣдать намъ искренно, въ чемъ состоишь обязанность придворнаго провозгласника и какія сопряжены съ оною выгоды?

Выгоды превеликія, ошвѣчалъ онъ со вздохомъ, а особливо для шакаго чловѣка, каковъ я, ошъ ко- его не пошребовали бы никакой пошери! Всякій провозгласникъ у поклонниковъ великаго пророка обязанъ созывать народъ въ мечети на молишвы, что онъ и дѣлаешъ по шри раза на день. А какъ у насъ правовѣрныхъ нѣшъ колоколовъ, то созываніе молельщиковъ производишся посредствомъ голоса; почему, чѣмъ кто громогласнѣе, шѣмъ онъ въ большемъ пошченіи. Должность придворнаго провозгласника состоишь въ томъ, чшобы поушру возбуждашъ Хана къ молишвѣ, послѣ объда испор- гашъ его изъ объятій красавицы, а ввечеру не допускашъ ко сну, и все для одного и того же предме-

ша. Посему отъ придворнаго пребуется голосъ по крайней мѣрѣ вдесятеро звучнѣе обыкновеннаго, чшобы добиться до слуха Ханскаго. О выгодахъ и говорить нечего; онѣ безчисленны, ибо все содержаніе, и при томъ самое великолѣпное, производится на счетъ богомольцевъ.

И такъ, сказалъ я, чшобы съ честію опправляшь сію выгодную должность, ничего болѣе не пребуется, кромѣ обширной горшани и крѣпкой груди? — Почши ничего, отвѣчалъ онъ, какъ шолько, чшобы провозгласникъ былъ слѣпъ; а какъ я, будучи въ плѣну у Рускихъ, отъ безмѣрныхъ работъ давно лишился зрѣнія, шо за мною никакой бы остановки и не было! — Но если — спросилъ я спремительно — на мѣстѣ семъ захочешъ бышь зрячій? — Не возможно! отвѣчалъ онъ: придворная мечешъ споишь по серединѣ Серальскихъ зданій и верхъ башни почши вдвое превышаетъ оныя. Если пу-

спишь на нее зрячаго, то онъ весьма удобно можешь видѣшь все происходящее въ самыхъ внутреннѣхъ покояхъ Хана и въ ложницахъ его красавиць; а это было бы дѣло неслыханное, да и примѣра тому не было, и если кто изъ зрячихъ объявишь желаніе бышь придворнымъ провозгласникомъ, то это значить, что онъ объявилъ желаніе ѣсть сытно, пить со вкусомъ, ходишь богато и спашь покойно, — но все это въ заплашу за громкій голосъ и за поперю глазъ. А какъ таковой угодникъ не задолго предъ симъ — около четвертой молишвы, въ прошивность закону Магомешову, съ излишкомъ развеселился, то мщеніе неба вскорѣ его и постигло. Онъ сорвался съ вершины башни и горестно погибъ. Во всей обласпи Самсупдиновой начали искать способнаго заняшь сію прекрасную должность, на меня взглянулъ было пророкъ милоспивымъ окомъ, я понравился могущему Сабеку,

Часть II.

К

посланному отъ Двора для выбора доспойнаго провозгласника, — какъ вдругъ злой духъ насылаешъ соперника и онъ лишаешъ меня сего благополучія!

Г Л А В А 19я.

Рѣшительность.

Я взглянулъ на будущаго придворнаго провозгласника, и увидѣлъ, что онъ поблѣднѣлъ смертельно. Мы поспѣшно подошли къ нему, и Бекшемиръ сказалъ съ досадою: ну, не моя выходишь правда, прозорливый полищикъ! изволь-ка расшавашься шеперь съ свѣсплыми своими очами! былиль бы съ ними новья хлопошы, если бы не угораздилъ шебя Кукамъ щеголяшъ своимъ горломъ? Не я ли говорилъ, что гораздо вреднѣе, слѣдовашельно и глупѣе, удивляшъ, нежели удивляшъся? выбирай скорѣе на что ты рѣшаешься? сдѣлашъся ли придворнымъ провозгласникомъ на

извѣсшномъ условіи, или послѣдовать моимъ правиламъ, и — что есть силы — бросишься бѣжашь куда глаза глядѣшь будешь?

Пропадай все счастіе, опвѣчалъ Шамагуль, какого можемъ ожидать отъ Хана, когда надобно покупать его такъ дорого! за такую цѣну не хочу бытъ и на пресполѣ, а не только на мечешной башнѣ! Теперь слѣдуешь вопросъ, въ копорую спорону намъ обратишься? легко спанеши, что Сабекъ, примѣня нашъ побѣгъ, сдѣлаешь погоню, и намъ однимъ шрудно будешь управляться съ цѣлымъ городомъ! не лучше ли намъ дождашься ночи, и тогда уже . . .

Едва онъ произнесъ сіи слова, какъ услышали мы у дверей шумъ, и увидѣли Сабека, вошедшаго съ полдюжиною служителей, изъ которыхъ одинъ несъ жаровню съ горящими угольями, другой большой мѣдный пазъ, а третій шило; прочіе же были просшыми спутниками. Сабекъ, подошедъ къ Шамагулу съ

вѣжливымъ видомъ, сказалъ: я хочу, почтенный мужъ, чшобы ты вѣчно благодарилъ меня. Избирай теперь, кошораго искусству изъ сихъ двухъ господъ желаешь ты ввѣришься? Эшопъ, раскаливая шазъ на угольяхъ, шакъ искусно умѣешь приближать его къ глазамъ и опводишь, чшо если ты шолько прилжно будешь *смотрѣть*, шо менѣе, нежели въ три дни ничего *не увидишь*. — Если же изберешь сего, шо онъ своимъ шиломъ шакъ проворно проколешъ тебѣ зенки, чшо въ два мига ты будешь наилучшій слѣпецъ въ свѣшъ! Скажи же, кого избираешь? Нашъ полишикъ споялъ молча и не могъ выговорить ни слова. Съ виду и положенія походилъ онъ на пригоповленнаго къ казни; да состоянiе его и въ самомъ дѣлѣ на шо походило. Онъ поглядывалъ на Сабека, на меня, на Бекшемира, и казалось содрогался при убійственной мысли: всѣхъ и всё — въ послѣднiй разъ вижу!

Я пришелъ въ жалость, и это чувствовалъ какъ будто десять кубковъ Макукова напишка родило во мнѣ несказанную бодрость и я, одною рукою закручивая усы, а другою играя ефесомъ моего кинжала, подошедъ къ Сабеку, сказалъ: не ужели ты не примѣчаешь, что Шамагуль, другъ нашъ, сполькоже изумленъ своимъ спраннымъ предложениемъ, какъ если бы ты совѣщивалъ ему вѣчно не есть шешлыка и не пить водки, буде желаешь имѣть мѣсто въ царствѣ Макуковомъ. Знай, что онъ великій полищикъ и былъ нѣкогда Верховнымъ Визиремъ при одномъ владетельномъ Князь! Ему шолько хотѣлось удивить васъ своимъ ревомъ, опнюдь не думая сподобиться чести бытъ провозгласникомъ. И такъ, иди спокойно, откуда пришелъ, и мы пойдемъ своею дорогою. За угощение же, что мы поглядѣли на вашу яшву и пишіе, возъшебъ юзлукъ!

Сабекъ съ своей спороны не малое оказалъ удивленіе. Какъ? спросилъ онъ просяжно: вы вздумали шушить надо мною и свяшынею? Развѣ забыли, что никто не дерзаетъ взойти на верхъ мечешной башни, кромѣ посвященныхъ или желающихъ посвящиться на служеніе пророку? Это хула, досшойная примѣрной казни! А припомъ — не оказалъ ли сей кощунъ желанія бышь въ сказанной должности, принявъ опъ насъ кровь, хлѣбъ, вареную баранину и воду? Не я ли, обольщенный его согласіемъ, послалъ уже гонца къ Самсупдину съ донесеніемъ, что въ благополучномъ городѣ Кизлярѣ нашель чудо изъ всѣхъ провозгласниковъ въ свѣшъ? Что буду я опвѣчать своему повелишелю, когда онъ увидишь себя обманушимъ? Не назовешъ ли онъ меня оскорбиселемъ своего величія? — Что вы на это скажете?

Когда я задумался, чтообы опвѣчать ему основашельно на дово-

ды, которые и въ самомъ дѣлѣ были не бездѣльные, какъ по обвиненія въ богохульствѣ и въ оскорбленіи Ханскаго величія, мудрый Шамагуль, призвавъ на помощь Макука, Кукама и полипику, сказалъ: краснорѣчивый Сабекъ! не вѣрь другу моему Кайшуку! Онъ пошому не хотѣлъ видѣшь меня провозгласникомъ, что по самую смерть не хотѣлъ со мною разлучаться. Мы родились, воспитаны и воинствовали вмѣстѣ: онъ, я, и сей претій, храбрѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, Бекшемиръ. — Да ктоже потребуешь, чтобъ вы разлучились? воззвалъ ласково Сабекъ: развѣ не обширны подвалы Серальской мечеши? не изобильны ли кухни и кладовыя Самсулдиновы? Вы будете всѣ вмѣстѣ жить, ѣсть, пить и прохлаждаться! — Такъ! отвѣчалъ Шамагуль, но въ этомъ есть не малое затрудненіе. Одинъ я изъ нихъ въ молодости своей путешествовалъ, научился познавать людей и ихъ законы, одинъ я

воспламененъ желаніемъ приобщиться къ лику правовѣрныхъ, хошя и я, равно какъ и они, досель поклонялись и продолжаемъ поклоняться Кавказскимъ богамъ Макуку и Кукаму, а въ особеннос-ти могущей богинѣ полишикъ! Знай! мы идолопоклонники.

Г Л А В А 20 я.

Витія по нуждѣ.

Кто опишетъ погдашнее наше изумленіе? Сабекъ и его сопушники поражены были признаніемъ Шамагуловымъ, и недоумѣвали, какъ могли не догадаться о томъ прежде, что пустили его на свою башню! — Мы съ своей стороны и не знали, что о немъ и подумаешь, и не иначе считали, какъ помѣшавшемся въ умъ при мысли о потерѣ зрѣнія, драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ даровъ Макуковыхъ! На мѣсто того Шамагуль смотрѣлъ на всѣхъ насъ съ улыбкою, и обращаясь

къ Сабеку, сказалъ: высокоимениный мужь! изъ сего добровольнаго признанія видишь ты, что милоспивый пророкъ посѣялъ уже въ сердце моемъ сѣмя истинной вѣры, и шво-ему спаранію поручаю произрасташить оное въ цѣлое древо въшвис-тое. Найди многоученаго Имана, копорый бы могъ меня насшавишь въ шайнахъ свяшой вѣры, и я полагаю, что очень достащочно будешъ нѣсколькихъ недѣль, чшобы сдѣлать меня совершеннымъ Мусульманиномъ. Я и шеперь въ существѣ души своей могу уже назвашься правовѣрнымъ, но — проспи моему чистосердечію, — воспитаніе, привычка, примѣры, — оставили еще во мнѣ нѣкія сомнѣнія, копорыя должны бышь разсѣяны, ишпреблены до ошашка. Мы не просые Горцы, но всѣ прѣсходимъ ошъ высокихъ поколѣній, изъ чего слѣдуешъ, чшобы мы были необыкновенные Мусульманы, кои считающъ уже себя правовѣрными и совершенными въ

своемъ законѣ, когда несомнѣнно вѣряшъ, что великій пророкъ ихъ имѣлъ два глаза, два уха и одинъ рожъ въ головѣ, съ челюстями, обросшими пребольшою бородою. Я счишаю, что сего очень мало, а пошому прошу вопервыхъ, почтенный Сабекъ, приставишь ко мнѣ просвѣщеннаго Имана, знающаго о Магомешѣ всю подногшную, и о чудесахъ, имъ произведенныхъ, умѣющаго разсказашъ языкомъ самымъ непоняшнымъ для всякаго невѣрнаго. Вовшорыхъ: во время моего просвѣщенія въ вѣрѣ, дозволи мнѣ находись въ вмѣстѣ съ сими двумя друзьями, дабы я, съ помощію вдохновенія и полипики, могъ и ихъ соблазнишь шакже мнѣ послѣдовать. Не уже ли для пророка непріяшнѣе будешъ имѣшь вдругъ шрехъ новыхъ, и при шомъ знаменшыхъ поклонниковъ, нежели одного, а я съ своей стороны смѣло увѣряю, что и они люди не безъ разсудка. Вшрешьихъ: какъ я довольню долгое время нося въ умѣ и

въ сердцѣ Магомеша, жилъ подѣ
 уставомъ Макуковымъ, да
 позволено будешь мнѣ и ошальное
 время до совершеннаго посвященія
 въ правовѣрные, прожись по преж-
 нему, дабы опказавъ Макуку вдругъ
 во всемъ, не подпасшь его гнѣву
 прежде, нежели Магомешъ примешъ
 меня въ свою защиту. Я разумею
 подѣ симъ, что покуда не совер-
 шись надо мною святое обрѣзаніе,
 пусшь доспашочно снабжаемы бу-
 демъ здѣшнимъ виномъ и водкою.
 Такимъ образомъ, слушая уроки о
 Магомешѣ и его ученіи, я мало по
 малу буду съ нимъ знакомиться и
 пріобрѣтатъ его покровительство;
 а запивая здѣшнюю баранину со-
 комъ здѣшняго же винограда, я не
 вдругъ дамъ замѣшишь Макуку, что
 скоро совсѣмъ его покину. Видишь,
 мудрый Сабекъ, что сей предостро-
 рожности непременно шребуешь
 опъ меня здравая полишика!

Тутъ нашъ Шамагуль окончилъ
 свое краснорѣчіе, и признаюсь,
 подобнаго никогда и ни опъ кого

я не слыхивалъ. Сабекъ былъ прельщенъ, равно какъ я, и обнявъ вишнюю самымъ дружескимъ образомъ, произнесъ: радуюсь, что вмѣсто просшаго провозгласника, нашелъ въ тебѣ мудреца, достойнаго быть Муфшиемъ при высококомъ дворѣ Самсулдиновомъ. Съ сего самаго часа отправля въ Аспраханъ Аншяма, оставляю васъ здѣсь однихъ на прохладѣ. Мѣста довольно, а надобно только поукрасишь оное и сдѣлашь покойнѣе. Какъ у насъ теперь осень, и скоро настанетъ зима, но вы увидите здѣсь каминъ, а за дровами дѣло не спанетъ. Изъ дома здѣшняго Мурзы Нуздаля, мужа исполненнаго благочестія, сего дня же принесены будутъ при дивана самые теплые, и для услугъ вашихъ приславились Московскій плѣнникъ. Все, чего только ни пожелаете изъ житейскихъ пошребностей, велите приносишь къ себѣ изъ здѣшнихъ лавокъ, ибо всякой продавецъ за пріятную сощешъ обязанность снабдитъ всѣмъ

мужа, готовящагося вступить въ православіе. Что же касается до присылки Имана, какого ты, Шамагуль, пребуешь, то хотя здѣсь не подалеку и есть свѣпильникъ въ Мусульманствѣ, но онъ — по обыкновенію ему подобныхъ, немного своеобычливъ, и не скоро на зовы склоняется. Однакожь я поѣду къ нему самъ, объявлю о винѣ своего прибытія, и несомнѣнно надѣюсь, что дня черезъ два вы удостоишься увидѣть пресловутаго Ханжака. Теперь спѣшу въ домъ Мурзы Нузда, возвѣщу о всемъ бывшемъ, и его пораду. Онъ весьма ревностный Мусульманинъ.

Сабекъ ушелъ съ своими провожатыми. Долго мы смотрѣли одинъ на другаго молча. Наконецъ Шамагуль съ торжествующимъ видомъ спросилъ: что скажешь, друзья? — То же, — былъ отвѣтъ мой, — что всегда говорилъ и прежде, что Шамагуль есть величай-

шій изъ всѣхъ бывшихъ , наспо-
ящихъ и будущихъ полишниковъ !

Г Л А В А 21 я.

Богохульникъ.

— Однако , мудрый Шамагуль ,
продолжалъ я , дѣло швое пошло въ
завязку. Сколько я понимаю , то ни-
чего нѣшь легче , какъ объявишь же-
ланіе сдѣлаться Мусульманиномъ ,
но ничего шруднѣе , какъ опъ шого
опдѣлаться съ головою на плечахъ.
Ты не льспись свободою , тебѣ да-
руемою ; она ничшо иное , какъ при-
краса самага шрогога плѣна , какъ
позолоша на цѣпяхъ желѣзныхъ.
Желаль бы я знашь , какія мудросшь
швоя изберешъ средства ускольз-
нушь изъ сей западни приманчивой ?

— Другъ мой Кайшукъ ! опвѣчалъ
Шамагуль , признаюсь , что когда
вспало мнѣ на умъ сіе средство со-
хранишь свое зрѣніе , шо я совсѣмъ
не думаль поклонишься Магомешу ;

а только лишь образумился, по
опъ всего сердца рѣшилъ самымъ
дѣломъ по исполнишь. Мнѣ веляшь
обрѣзашься? А почему и не такъ!
Зачѣмъ опрекашья опъ вѣрояшна-
го счастья, если дорога ко храму
на сажень камениста? Сверхъ по-
го вы согласишесь, что въ чьемъ
домѣ живешь, того и правила ис-
полняшь долженъ. На горахъ Кав-
казскихъ служилъ я шебъ, Кай-
шукъ, яко своему Князю, и покло-
нялся Макуку, яко спраны шой
богу. Обстоятельствва перемѣни-
лись. Мы шеперь въ шакихъ мѣ-
спяхъ, гдѣ имя Кайшукъо ничего
не значить, а о Макукѣ и не слы-
хали; однакожь мы вездѣ видѣли
людей, кои родяшся, живушь, пло-
дяшся и умираюшь точно такимъ
же порядкомъ, какъ и на горахъ
нашихъ. А припомъ надобно ду-
машь, что Магомешъ хошя что
нибудь, да былъ на свѣшъ; а нашъ
Макукъ едва ли не ешь одна меч-
па въ воображеніи нашихъ пред-
ковъ, когда они надмѣру ошяг-

чены были шешлыкомъ и просяною водкою!

Я и Бекшемиръ ахнули, услыша такое богохульство; осыпали его упреками, опрекались опъ его дружбы; но онъ, увѣщевая насъ оспашься при немъ хошя на нѣкоторое время для укоротанія Чернаго Года, склонилъ насъ на свои убѣжденія. Мы съ Бекшемиромъ рѣшились раздѣлять съ нимъ его изобиліе, ни мало не участвуя въ его грѣхопадении. Къ сему способствовала крайняя неудобность путешествовать осенью и зимою, а особливо съ пуспыми карманами.

Все, что обѣщала доброхошный Сабекъ, скоро и въ точности было исполнено. Три шюфяка, набитые самою мягкою шерстью, принесены были вмѣстѣ съ преме большими кылымами (*) самой узорчатой работы, разосплены по нашему желанію не вдалекъ одни опъ другихъ, и соспавляли наши сѣда-

---

(*) Кылымомъ Ташары называютъ коверъ.

лица и ложа, по обычаю спраны
шой. Усасный Москвичъ явился къ
услугамъ нашимъ, и нанесъ на
ужинъ сполько, чпо если бы на
по время собрался къ намъ и весь
прежній мой Совѣщъ, по можно бы
вдоволь упошчивать. Сей усердный
слуга для опочиванія своего въ даль-
немъ углу опъ роскошныхъ ложей
нашихъ наклалъ кучу сухаго моху,
вмѣспо кылыма служила циновка,
и мы всѣ, ибо и Москвичъ оспап-
ками былъ чрезмѣрно доволенъ, —
опочили сномъ весьма покойнымъ.

Г Л А В А 22я.

В и дѣ н і е.

Рано поушру, не хопя прево-
жишь спящихъ глубокимъ сномъ
моихъ шоварищей, погрузился я въ
размышленіе. Не уже ли и въ са-
момъ дѣль правда, говорилъ я самъ
съ собою, какъ не рѣдко доказываль
мнѣ Шамагуль, во время моего гос-
подства, чпо иногда самой ни-

Часть II.

Л

чпожной случай биваетъ поводомъ къ величайшимъ происшествіямъ? Теперь познаю истину его положеній. Надобно было ему съ мечешной башни проревѣшь нѣсколь-ко словъ, чпобъ сдѣлашься Мусуль-маниномъ! Лучшій изъ друзей мо-ихъ, мудрѣйшій наставникъ мой въ полишикъ хочешъ покинушь благо-дѣшельнаго Макука, досель намъ шоль чудесно помогавшаго въ на-пасяхъ Чернаго Года? Когда онъ не усумнился сдѣлашь пого съ бо-жесшвомъ, по какого поспоянш-ва можешъ ожидашь ошъ него: бывшій земный власшелинъ его?

Посему съ ошашкомъ нѣкое-го унынія, въ которое погруженъ былъ соображеніемъ прошедшаго съ насшоящимъ, вспаль съ поспели и сѣль у окна своей храмины. Съ началомъ мѣсяца Спрѣльца появи-лись мрачныя, шяжелыя шучи на благословенномъ небосклонѣ, объем-лющемъ предѣлы ошъ моря Каспій-скаго до моря Чернаго, и природа покрылась уныніемъ. Въшрь, лепя-

щій отъ ущелій Кавказскихъ, несъ на крыльяхъ своихъ бури и мятели. Чувство давно забытое, чувство нѣкогда радостное, нынѣ близкое къ самой глубокой горести, объяло душу мою и мысли. Я припомнилъ, какъ бывало проводилъ подобное время въ чертогахъ прародительскихъ. Свѣшлый огонь, поѣдая кедры и кипарисы, пылалъ посреди моей ложницы. Пипія и яшвы распавлены были въ изобиліи, сонмъ друзей и великихъ Двора моего окружалъ меня, какъ своего друга и властелина. Время прошедшее! куда ушекло ты со своими радостями?

Въ сихъ мысляхъ я и не замѣтилъ, какъ друзья мои спали передо мною. Едва я поздоровался съ ними, шо вдругъ вошли къ намъ придворный Сабекъ и Мурза Нуздалъ съ знатнѣйшими гражданами Кизлярскими. — По окончаніи обыкновенныхъ привѣтствій, Шамагуль воззвалъ: я примѣчаю, что друзья мои Кайшукъ и Бекшемиръ

не споль покойно провели ночь, сію, какъ я. Точно не ошибусь, если скажу, что въ числѣ причинъ, погружающихъ души ихъ въ задумчивость, естъ неизвѣстность о будущей моей участи, когда совершенно посвящу себя служенію великаго Магомета. И такъ въ упъшеніе ихъ я скажу добрыя вѣспи!— Въ сію ночь, около восхода зари ушренной, явилось мнѣ видѣніе: синеокій, козлотородый Макукъ, на длинныхъ пѣшущьихъ лапахъ шагаль къ одру моему. Онъ хопѣль что-то сказаць, но заикнулся; однако послѣ оправясь, проворчалъ: опспупникъ! что намъреваешься ты сдѣлать? меня оставишь? меня, который далъ Горскому народу самые мудрые законы и: сдѣлалъ его славнѣйшимъ, благополучнѣйшимъ народомъ въ свѣспѣ! чего нѣшь на горахъ вашихъ? камней ли огромнѣйшихъ? ихъ пѣма неисчешная! деревъ ли? шамъ лѣса непроходимые! воды ли? цѣлыя рѣвки имѣють опшуда свои изходи-

ща! я дозволилъ вамъ ѣсть съ избыткомъ горячій шешлыкъ и пипъ, просяную водку; а по смерти общалъ вамъ, буде того сподобитесь, усугубить блага, коими на землѣ наслаждались.

Я не зналъ, что и отвѣчать раздраженному Макуку, какъ вдругъ поражаетъ взоры мое новое явленіе. Магомешъ спустился ко мнѣ на свѣшломъ облакѣ, и взявъ дружески за руку, произнесъ: не забойся, мудрый Шамагуль, о будущемъ своемъ благополучіи! положишь на меня и не слушайся сего пустомели. Покланяясь мнѣ, ты получишь удовольствіе какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни, гораздо сущесвеннѣйшія, нежели имъ обѣщанныя. Въ доказательство моего преимущества, повелѣваю: исчезни, наглый сумозбродъ, предъ лицомъ великаго пророка!

Кто опишетъ мое удивленіе, когда увидѣлъ, что обожаемый мною дошоль Макукъ на пѣшущихъ лапахъ своихъ бросился бѣжать.

прочь, какъ будто малая птичка
опъ сильнаго филина. Магомешъ,
обращаясь ко мнѣ, ослабился, и
возсѣвши на розовыя облака, под-
нялся къ небу, а убѣгающій Ма-
кукъ погрязъ въ шинѣ, и спараясь
изъ нее выдрахъся, погружался бо-
лѣе и болѣе, наконецъ — я его не взви-
дѣлъ: одни пузыри надъ шѣмъ мѣ-
стомъ проскакивали.

Когда Шамагуль окончилъ раз-
сказъ о семъ шаинспвенномъ снови-
дѣннн, и когда я и Бекшемиръ не
знали, что опвѣчаютъ сему вдохно-
венному смершному, бывшему нѣ-
когда моимъ подданнымъ, а шеперь
непосредспвенно спановившемуся
моимъ повелишелемъ, — Нуздаль
и Сабекъ благоговѣнно подняли ру-
ки къ небу, пошомъ ударя ими въ
грудь, произнесли, первый: ве-
ликъ, великъ Алла! — второй: ве-
ликъ Магомешъ, пророкъ Аллы!

До полудня госши сн съ ихъ
сопрудниками пробыли съ нами въ
самыхъ дружескихъ разговорахъ.
Пошомъ, увѣривъ во всегдашнемъ

своёмъ благоволеніи, которое преимущественно доказывали посланіемъ приличныхъ подарковъ Иману Ханжаку, дабы склонить его скорѣе удоспоить насъ своимъ посѣщеніемъ, оставили насъ однихъ: Шамагула — въ полномъ удовольствіи, а меня съ Бекшемиромъ въ удивленіи, часъ ошъ часу умножавшемся.

Г Л А В А 23я.

Веселая жизнь.

Въ ожиданіи праведнаго мужа Ханжака, проводили мы время въ наставительныхъ бесѣдахъ и въ разгуливаніи по городу, не могли нарадоваться своимъ соспояніемъ. Всѣ, вспрѣчавшіеся съ нами, ошъ мала до велика, оказывали намъ, а особливо Шамагулу, высокое почипаніе, которое онъ принималъ не какъ знакъ вѣжливоспи и доброхощсва, но какъ дань, слѣдующую ошъ невѣждъ. челоѡьку преразум-

ному. Туть-то я началъ вразумляться, что и въ самомъ дѣлѣ кругъ дѣйствія при Дворѣ моемъ былъ слишкомъ шьсенъ для возвышеннаго духа Шамагулова, и самъ ошь всего сердца отдавалъ ему преимущество предъ собою. Что же касается до храбраго и вмѣстѣ крошкаго Бекмемира, то онъ шеперь болѣе походилъ на раба своего собрата, чѣмъ на друга и участника въ перенесеніи бѣдствій, обще на насъ усшремленныхъ съ высоты горней, или изъ пропасши преисподней. Я право не зналъ, что и блаженство и спрданіе низпосылающся намъ и съюшся по лицу всея земли одною и шною же дланію.

Нѣсколько дней сряду не видали мы гощепримнаго друга нашего Сабека; наконецъ онъ явился, и обнявъ Шамагула вскричалъ: радуйся, чрезвычайный смершный! черезъ десять дней ты сподобишся увидѣшь великаго Имана Ханжака! Какого штруда шпоило мнѣ

склонить его на сіе пупешествіе! Не смотря на великолѣпныя подар- ки со стороны моей и Мурзы Нуз- дала, онъ до шѣхъ поръ не скло- нялся, пока нарочно посланный не увѣрилъ его неоспоримыми до- водами, что ты, за чрезмѣрную ревность къ православной вѣрѣ въ споль короткое время сподобился уже видѣть явленіе. Это подвигло его болѣе всего; и какъ ты, Ша- магуль, необыкновенный изъ не- вѣрныхъ, то онъ рѣшился прове- сти еще прижды при дня и приж- ды при ночи въ здѣшной главной мечети на молишвѣ, испрашивая у пророка благодати къ просвѣще- нію самаго непросвѣщеннаго! — Шамагуль воздалъ благодареніе доб- родушному придворному за вѣспь сполько вождельнную, и общался со своей стороны сполько же вре- мени провести въ теплыхъ мо- лишвахъ о своемъ спасеніи, и всѣхъ шѣхъ, кои оному способствуюють.

Зная, что начало просвѣщенія Шамагулова еще на девашь дней

Часть II.

отсрочено, онъ первый завелъ рѣчь надосугъ о посольствѣ своемъ у Князя Мирзабека. Желаль бы я знашь, вскричалъ онъ, чѣмъ кончилось сіе дѣло, доспойное бышь замѣченнымъ въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ! Чшо шо чувствовалъ и дѣлалъ безпушный Князь Кубашъ, когда вспрѣшилъ своего нареченнаго шестя? Я думаю, чшо положеніе шого и другаго было бы наипрѣятнѣйшимъ зрѣлищемъ для всякаго полищика въ цѣлой вселенной! Половину праваго уса своего отдалъ бы я, чшобъ шолько досповѣрно знашь, чшо тогда происходило между ими.

Не клади столь дорогой цѣны, сказалъ шихо Бекшемиръ, я и безъ шого шебя удовольствую, ибо, хопя и нечаянно, былъ очевиднымъ шому свидѣтелемъ. — Слушайте!

Помедли, храбрый Бекшемиръ, вскричалъ я: посмотри въ окно, и ты увидишь, чшо нашъ Москвичъ, обремененный сумою съ обѣдомъ, возвращается. Не удобѣли повѣ-

спивовашь о великихъ событіяхъ ,
когда ушоленные голодъ и жажда
не мѣшаютъ поворошливоспи языка
разскащика и должному вниманію
слушателей ?

Такое замѣчаніе мое Шамагуль
назвалъ самымъ глубокомыслен-
нымъ , и Бекшемиръ согласился съ
нами.

Конецъ второй Части.

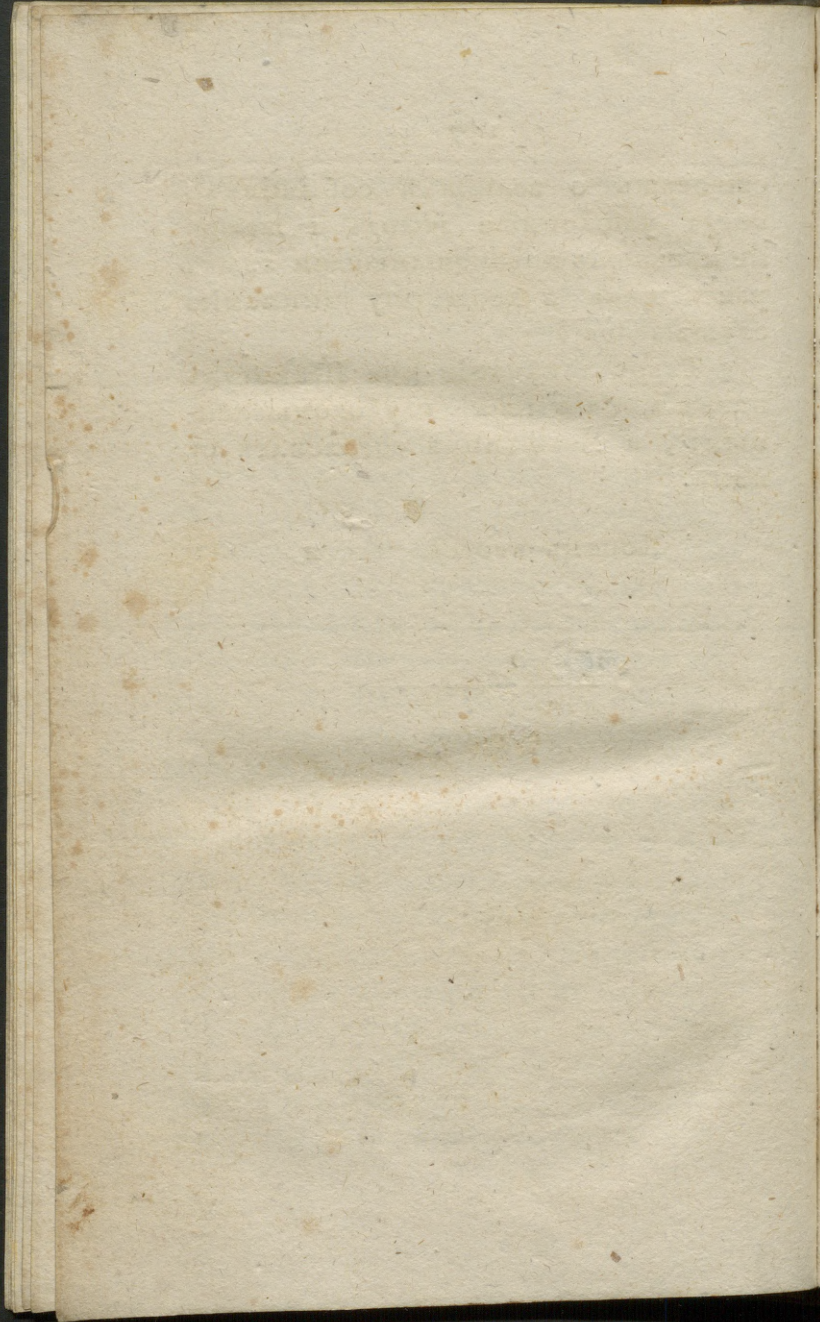
147
спивовашь о велики
когда ушоленные
не мѣшаютъ поворо
разскащика и долж
слушашелей?

Такое замѣчаніе
назвалъ самымъ
нымъ, и Бекшеми
нами.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО

У. 2. аа
Н. 2. аа

